

Основано на реальных событиях

РОМАН КОРЗУН

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МОИ ПОБЕГ В ЭЛЬДОРАДО

Роман Корзун

Мой побег в Эльдорадо

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Корзун Р.

Мой побег в Эльдorado / Р. Корзун — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96099-2

Молодой человек на рубеже исторической эпохи вынужден покинуть только что развалившуюся империю. Он идет к своей цели, опираясь лишь на собственные силы, но дорога к ней тернистая и крутая. С невероятной стойкостью, через непреодолимые препятствия, он продолжает свой путь. Это повествование живет приключениями, оно сопровождается юмором, оно не обходит стороной драму, оно движимо романтикой, оно пролетает через потоки реальности, прикасается к мистике, своеобразие и необычным совпадениям и оставляет читателю место для философских размышлений. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96099-2

© Корзун Р., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Виза	5
Глава 2	10
Коммерция	10
Глава 3	16
Вылазка	16
Паспорт	18
Ожидание	23
Отъезд	24
Глава 4	27
Прибытие	27
Roma	32
Banano	36
Продолжение банкета	38
Православная церковь	39
Pretura	41
The Backside of The Moon[20]	43
La Casa	47
Deposit	49
Intervista	51
Новые знакомые	53
Негативное решение	57
Подготовка к поездке	59
Vaffanculo Italia!	61
Путь	65
Глава 5	66
Hände Hoch!	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Роман Корзун

Мой побег в Эльдорадо

Эта книга – не художественный вымысел. Это реальная история жизни стойкого, немного даже (в хорошем смысле) упёртого человека. Он поставил себе цель, казалось бы, не такую уж и реальную, но двигается к ней. И ничто не может сломить его дух.

Такому насыщенному событиями пути можно позавидовать. Не каждый человек найдёт в себе силы, преодолевая немыслимые препятствия, не сломаться, не сдаться, стремясь достичь своего Эльдорадо.

Редактор Марианна Максимова

Это автобиографическое произведение описывает реальные события, произошедшие с автором в период с 1995 по 2010 год, в его стремлении преодолеть существующие государственные и ментальные границы. Они привели его в безнадежный круговорот, из которого, казалось, уже не будет никакого выхода.

Некоторые имена участников этого повествования изменены для защиты их частной жизни и в целях конфиденциальности.

Глава 1

6 июля 1995 г.

Виза

Перед канадским посольством в Бухаресте столпилось несколько десятков человек. Одеты были все предстательно, даже празднично – нетипично для хаотичного и небогатого города середины девяностых. Все эти люди преследовали одну цель. Это был приемный день для подачи документов на визу, и все с нетерпением и очевидным волнением ожидали, когда наконец их впустят внутрь. Как всегда в таких случаях бывает, не сразу, а после мучительного ожидания к воротам посольства с ощутимым опозданием вышел сонный сотрудник и со словесной медлительностью начал раздавать всем ожидающим необходимые формуляры для обязательного заполнения. Я тоже потянулся за экземпляром. И когда мне наконец достался один, присел на корточки и принялся за кропотливую работу прямо на краю тротуара. Остальные – как попало: кто, присев, как я, положил формуляры на колени, кто стоя держал их в воздухе, кто прислонил бумаги к посольскому забору.

Все воодушевленно сосредоточились, вчитываясь в текст, который был полон различных, главным образом очень личных вопросов. От каждого требовалось рассказать про себя все подробности канадскому правительству: начиная от семейного положения, количества сестер и братьев, профессии, образования, заканчивая чуть ли не девичьей фамилией бабушек. И стоило кому-то не пройти интервью – въезд в Канаду закрывался на долгие годы. Ведь некоторые вопросы были построены так, что в будущем можно было бы вычислить каждого, кому

было отказано, в случае, если бы кто-то вздумал после этого поменять свои личные данные, например, взять девичью фамилию мамы или других своих родственников. Но было похоже, что все были настроены оптимистично. В их числе и меня можно было отнести к этому большинству. А как иначе?! Это мой единственный путь! Я даже не хотел и думать о других вариантах развития событий. Поэтому и отвечал по возможности честно.

Как только все формуляры были заполнены и собраны, нас еще немного подержали на уже начинающем припекать утреннем летнем солнце, не прекращая испытывать наши способности к терпению, пока наконец не впустили внутрь. После этого пришлось еще отстоять приличную очередь уже внутри посольства. Сдав все необходимые документы и заплатив требуемую и не подлежащую возврату сумму в кассу посольства, я был приглашен в специальную комнату, предназначенную для проведения интервью. Передав вежливому господину через щелку под толстым стеклом окошка свой заграничный паспорт, я сел во взволнованном ожидании на предложенный мне стул. Передо мной по ту сторону за очень толстым, вероятно, пуленепробиваемым стеклом сидел канадец, приблизительно такой же, каким я их себе и представлял: стройный, с неброской внешностью, в аккуратных модных очках, на вид несколько высокомерный, возможно, ввиду горького опыта, приобретённого в стране, в которой ему выпало работать. Рядом с ним, по правую руку и по стойке смирно, стояла румынская переводчица, напоминавшая мне школьницу в форме на утреннике. В ее задачу входило переводить слова из уст канадца с молниеносной скоростью. Иногда, благодаря чрезмерным усилиям, ей даже удавалось говорить в ритме его дыхания. Мой средненький английский был куда лучше слабенького румынского, и поэтому, послушав ее немного, я отказался пользоваться переводческими услугами. И у меня в голове тут же пролетела мысль: «Всё же надо было ехать в Москву...»

После якобы внимательного изучения моих бумажек сотрудник посольства обратился ко мне с вопросом:

– Well, what exactly do you do in your work?¹

– I am marketing manager², – мгновенно ответил я.

– I see, – нетерпеливо продолжил сотрудник, продолжая таращиться на справку с места работы, выданную в американской компании из Кишинева, торгующей ковролином. – But what do you DO³?

– I... sell carpets... for companies⁴... – не ожидая такого вопроса, ответил я. – I visit companies in the city and offer them our goods⁵.

Канадца мой ответ, очевидно, не оставил удовлетворенным. А я надеялся, что это будет легкая прогулка. Я представлял себе вопросы относительно цели поездки и ускоренных курсов английского в Ванкувере, которые в любом случае собирался посетить. Или про место, где буду жить. Заочно я уже даже был знаком с моей будущей хозяйкой дома, в котором я планировал остановиться. А тут про работу... К тому же (как будто он знал) я не работал в этой фирме. Мне просто сделали эту справку по знакомству, да еще и после длительных уговоров...

– But why don't you go to the USA? You are working for a US company!⁶

Ещё один неожиданный вопрос. Я совершенно растерялся и не знал, что на него ответить. С одной стороны, открывать визу в Соединенные Штаты в моем случае было совершенно безнадежным делом из-за почти нулевого шанса получить разрешение на въезд, неважно под каким предлогом. Посольство США располагалось в Кишиневе, и предоставить им подобную

¹ Ну что именно Вы делаете на своей работе?

² Я менеджер по маркетингу.

³ Но что Вы делаете?

⁴ Я... продаю ковролин для компаний...

⁵ Я посещаю компании в городе и предлагаю им наш товар.

⁶ Но почему бы Вам не поехать в США? Вы работаете в американской компании!

справку с места работы было бы довольно рискованным предприятием. Да и, насколько мне было известно от разных источников, США визы выдавали в исключительных случаях. Но об этом канадскому атташе лучше было бы и не намекать. С другой стороны, мне вовсе не хотелось в США. Что же мне, если бы я попал в Штаты, потом искать пути, как перебраться в Канаду? Но этот ответ моего собеседника явно бы не устроил. Ведь не говорить же ему, что я просто помешан на Канаде. В глубине души я уже заочно считал её своей родиной. Сам не знаю почему. Еще с тех пор, как мне подали идею уехать туда навсегда, еще в далеком 92-м, вся моя энергия и силы были направлены на то, чтобы эмигрировать в Канаду. В 1992-м году была реальная возможность. Без всей этой глупой, никому не нужной волокиты с открытием виз, интервью, траты денег на курсы английского, дороги в Бухарест и обратно, покупки дорогой одежды, чтобы не подумали, что я какой-то там «человек с улицы»... Всего лишь сто американских долларов на билет из Москвы в Сантьяго-де-Куба с короткой остановкой на острове Ньюфаундленд.

Один мой кубинский приятель заработал на этом целое состояние. Даже купил себе трехкомнатную квартиру в хорошем районе Кишинёва. Он продавал приглашения, которые требовались для граждан новоиспеченной Республики Молдова, желающих попасть «на прекрасный доминиканский остров». Если бы только все эти люди реально приехали в гости к его родителям! Мне он готов был сделать приглашение бесплатно по старой дружбе. Приглашение было нужно только лишь для того, чтобы сделать выездную визу (в то время еще горькая реальность). А потом всё просто.

Разумеется, никто дальше Ньюфаундленда лететь не собирался. Если верить слухам, доходило до того, что после посадки самолета на дозаправку на борт заходили полицейские и вежливо спрашивали у пассажиров, кто желает просить убежище. И после того, как убежище уже стали просить даже пилоты, оставлявшие самолеты на произвол судьбы, правительство Канады решило предпринять меры, выдало запрет на посадку и дозаправку всем российским рейсам, направляющимся из Москвы на Кубу. Использование этого транзитного маршрута было возможно на протяжении лета – осени 1992 года, и, как я узнал позже, много моих знакомых оказалось таким образом в Канаде. Помню, мы даже в компании друзей читали ходящее из рук в руки письмо одного такого переселенца, который учился с нами в параллельном классе, где он всё очень подробно описывал. Помню, как у меня тогда светились глаза! Было ощущение, словно это письмо с какой-то другой райской планеты или утопического Эльдorado! В этом письме таилась моя мечта, моя надежда на какую-то нереально прекрасную жизнь, в которой виделись только яркие картинки. То, что казалось чем-то фантастическим, далеким и недостижимым, становилось близким, осязаемым и реальным, а надежда всё больше и больше наполняла мое сердце. Попытки моей прагматичной половины докричаться до разума, если таковые вообще имели место, поглощались этой необъятной и всеобъемлющей мечтой.

Кубинца, который продавал приглашения, я знал еще давно, звали его Эрнесто. Познакомился я с ним в техникуме на утреннике, организованном для детей сотрудников, где он учился по обмену. Я был только в начальной школе, а Эрнесто – уже студентом. Мне было очень интересно общаться с иностранцем, особенно из такой далекой страны, как Куба. Мы регулярно виделись, ведь моя приёмная мама была его преподавателем, а я часто посещал её на работе. Со временем я всё меньше и меньше общался с ним, и последнее, что я о нём слышал, – это то, что он улетел обратно на Кубу. Говорили, что он не очень хотел уезжать, так как Молдавия ему, очевидно, понравилась. Более того, он встречался здесь с девушкой, и когда уезжал, то они оба просто рыдали. Со временем я совершенно забыл о нём, он уже стал какой-то тенью моих детских воспоминаний. Я уже списал его со счетов и даже не представлял, что когда-то еще встречу.

Как-то раз, возвращаясь домой, я неожиданно свернул в переулок, через который раньше никогда не ходил. До сих пор не могу понять, почему именно тогда я решил свернуть в этот переулок?! Действительно ли слово «случайность» несет в себе привычный для нас смысл?

Навстречу мне шёл темнокожий латиноамериканец, наверное, поэтому я обратил на него внимание, ведь в Кишиневе такие люди были редким явлением. Присмотревшись, понял, что он мне кого-то очень сильно напоминает. И тут меня осенило:

– Эрнесто?!

– Роман?! – воскликнул он в ответ.

Мы искренне обрадовались, увидев и, хоть не сразу, узнав друг друга. Эрнесто заметно поправился, или, точнее, поздоровел. Похоже, он засиживался в тренажерке. Он спешил и рассказал лишь вкратце о себе, о том, что вернулся, женился и что у них уже даже есть маленькая дочка. Пожаловался лишь, что живут они пока в своего рода фургоне, временном пристанище и, кстати, недалеко от дома моих приемных родителей. Он пообещал рассказать больше, как только я приду их навестить. Я всерьез принял его приглашение, но, к сожалению, так к нему в гости и не добрался. И лишь спустя полгода снова встретил его, и снова случайно. К тому моменту он уже разбогател и купил себе квартиру. Такое быстрое развитие событий меня приятно удивило, и мне стало интересно, как это ему удалось. И вот, через целых полгода после нашей предыдущей встречи, он рассказал мне и про то, как он так быстро заработал много денег, и про возможность уехать в Канаду. Он бесплатно сделал мне это приглашение. И я попытался что-то предпринять, но на самом деле этот шанс к тому моменту был уже упущен, так как вторая наша встреча состоялась лишь в конце 1992 года, а к этому времени открытое для меня окно возможностей с грохотом захлопнулось. И, может, именно потому что я эту возможность так очевидно упустил, эта идея так сильно запала мне в голову, что с тех пор я уже не мог ни о чём другом думать, ничем другим жить. Следующие два-три года я провел, можно сказать, в мытарствах. Я вроде и жил, и что-то делал, чтобы жить и выживать, а иногда и неплохо зарабатывал, но всё это было постольку-поскольку, и для меня совершенно неважные вещи, ибо всё это время я только и делал, что думал о моей иммиграции в Канаду.

В 1995-м году я продал свою квартиру, что осталась мне по наследству от покойной мамы, и внес задаток одной туристической фирме, предлагающей курсы английского в Канаде. Курсы должны были быть в Ванкувере, куда я, собственно, и мечтал переселиться. Чтобы получить визу, мне нужно было ехать либо в Москву, либо в Бухарест. Москва была гораздо дальше, к тому же в Бухаресте я уже был не раз и неплохо там ориентировался. В итоге жребий пал на Бухарест.

Цель достигнута – я на интервью в канадском посольстве, и вот-вот моя навязчивая мечта сбудется! А как иначе? Ведь буквально передо мной из загадочного кабинета, где проходило интервью, вышли двое, чуть ли не пританцовывая (очевидно, отец и сын), которых явно распирало от счастья! Одеты они были скромнее всех остальных, хотя и опрятно, и, по всей очевидности, относились к румынским рома, чья привязанность, как широко известно, распространялась разве что на территорию конной тележки или автофургона (в зависимости от исторического времени, места или финансового положения), но не на страну, где находилось их транспортное средство. Не знаю, какие у них были обстоятельства, но если им открыли визу, то мне тем более откроют. Ведь у них на лбу написано, что они хотят остаться в Канаде! Хотя кто из всей этой толпы не хочет? Со стороны это выглядело как лотерея.

Я посмотрел на сотрудника канадского посольства по ту сторону толстого стекла и попытался сделать искренне-наивный вид, чтобы ответить на его странный вопрос, почему же я не еду в США: «I'd like to go to Canada, it is more expensive in the USA...»⁷ Сотрудник взгля-

⁷ Я бы хотел поехать в Канаду, в США дороже.

нул на меня с некоторым разочарованием, будто это был последний шанс, чтобы услышать от меня внушающий доверие ответ. Он схватил левой рукой мой паспорт, открыл его на какой-то пустой страничке, в его правой руке организовалась какая-то маленькая печать, которой он со скоростью звука бомбанул по моему паспорту: «That's it. Thank you»⁸. Я был ошеломлен. Он протолкнул мне через щелку мой паспорт. То, что это была не виза, я понял почти сразу. Но верить в это совершенно не хотел. Я забрал свой паспорт и свою справку с работы, и единственное, что мне хотелось ему сказать, это «See you in Canada!»⁹. Однако единственное, на что меня хватило, это «Good Bye»¹⁰...

Выйдя за пределы посольства, я направился в ближайший бар. На дворе стояла жара. Было очень солнечно, но сердце мое наполнилось горем, и мне было все равно, что там за погода. «O bere mare»¹¹, – сказал я официанту. Он притащил мне литровую кружку пива. Так и не сев за стол, я выдул её залпом. «Un alt»¹², – сказал я и наконец-то сел. Пока пил вторую, размышлял, что мне делать дальше. Канада... Неужели здесь и сегодня моя мечта оборвалась? Я всё еще не мог в это поверить. Хмель меня, однако, сумел успокоить, и я начал «трезво» размышлять о своих дальнейших планах. Может быть, поехать в Мексику? Оттуда в США, а потом уже в Канаду? Или попробовать в Европу? Куда в Европу? В Европе никого не ждут, тем более меня. И какая страна Европы откроет мне визу? Принять решение на тот момент было нереально, и я решил подумать об этом уже дома, в Кишинёве.

⁸ Это всё. Спасибо.

⁹ Увидимся в Канаде!

¹⁰ До свидания...

¹¹ Одно большое пиво.

¹² Ещё одно.

Глава 2

Июль – август 1995 г.

Коммерция

После возвращения из Бухареста я неделю просидел дома, отходя от шока. Потом решил, что не стоит так просто сидеть, когда есть наличные деньги, оставшиеся после продажи квартиры, которые можно пустить в оборот и, может, еще что-то заработать. Судя по слухам, в Москве хорошо шли обложки для паспортов, которые выпускались в Польше, и в Жешуве их можно было приобрести. Недолго собираясь, я пустился в путь. Автобусом добрался до Перемышля, где сел на поезд, добрался до Жешува и там поселился в гостинице. Меня приятно удивил этот маленький польский городок, хоть и достаточно бедный, но очень деловой, и никакого сравнения с Кишиневом или Бухарестом. Вокруг полно молодежи и влюбленных пар, всё очень культурно, спокойно, одним словом, по-европейски. Что бросилось в глаза, так это подавляющее большинство блондинок и блондинов. Для выросшего в более южных широтах человека это казалось удивительным.

Я быстро сориентировался и нашел нужную мне лавку, где продавали всякую всячину. Это было похоже на склад, в котором в основном закупались выходцы из бывшего СССР. Приобрел обложек для российских паспортов на сумму, приблизительно равную семистам американским долларам, и с тяжелой сумкой отправился на автобусе во Львов, чтобы оттуда пересечь на московское направление. Автобус был наполовину заполнен людьми, так что я часто менял место, в зависимости от того, с кем беседовал. Народ там ехал в основном местный, из Львова и региона, очень приветливый и общительный. Запомнились мне две юные девушки из Трускавца, с которыми я весело общался и играл в карты. Одна из них, шатенка, явно заигрывала со мной, хотя мне больше нравилась её светловолосая спутница, которая была намного скромнее и молчаливее. Через какое-то время я понял, что она либо ко мне совсем равнодушна, либо очень стеснительна и не хочет вступать в бой со своей подругой из-за случайного незнакомца.

Позже к нашей веселой компании присоединился молодой человек, похожий на жителя Жешува (такой же светловолосый и голубоглазый). Он оказался коренным жителем Львова, который, услышав о моей грустной истории про неудачную попытку попасть в Канаду, рассказал свою, более оптимистичную. Про свою жену, которую он только вот посадил в Жешуве на автобус в итальянском направлении, куда она поехала на заработки. Он рассказал, что открыть визу в Италию не представляет никаких сложностей (ведь она пока не входит в число стран Шенгенского договора), и, что самое главное, в Италии можно остаться и реально найти работу. Более того, он уже через год, после окончания геологического факультета («земля во всех странах одинаковая»), отправляется вслед за женой и уверен, что найдет себе там работу. Не знаю, какие он нашел слова, было ли это просто его непритворный оптимизм или умение убеждать, а может, моё состояние безысходности, в котором я готов был хвататься за любую соломинку, но за то время, пока мы с ним пообщались на эту тему, а это, может быть, полчаса-час, он смог убедить меня, что нужно ехать в Италию. Италия! Вот где выход из моей безысходности!

С возможностью уехать в Италию я уже сталкивался как-то году так в 93-м. Тогда один мой приятель, Андрей, бывший одноклассник, предложил поехать в Италию. Нужно было, правда, очень быстро действовать. Для этой цели я даже начал срочно искать жильцов для своей квартиры с условием предоплаты за два года. Мы планировали выехать с группой научных сотрудников, которая направлялась на какую-то научную конференцию. Андрею хотелось

сездить в Италию, чтобы приобрести и пригнать оттуда подержанный автомобиль. У меня же была цель там просто отстать от группы, «потеряться» и остаться навсегда. Однако из этой затеи ничего не вышло. Слишком поздно спохватились. Слишком быстро надо было собрать кипу разных документов, а с бюрократией на тот момент, касающейся разрешения на выезд, это было непросто. И, конечно же, очень быстро надо было сдать мою квартиру, чтобы иметь деньги на поездку. В итоге квартиру я действительно сдал, деньги вперёд за два года получил, а поездка в Италию сорвалась. Пришлось в быстром темпе снимать себе другое жилье и вместо Италии ехать в Турцию за товаром, чтобы хоть как-то пустить в оборот деньги за сданную квартиру. Но это уже совсем другая история...

* * *

Мы приехали во Львов, и я уже было планировал снять на ночь гостиницу. Мои новоиспеченные подруги были готовы легко мне в этом помочь, тем более девушки сами собирались еще оставаться в городе. Ведь взять билет на поезд в то время было делом не из лёгких, а ещё и на последний текущего дня... До отправки поезда оставалось немного времени, час или полтора. Но судьба решила, что я должен отправиться в Москву сегодня. Мне удалось взять билет у какого-то перекупщика: вагон купе, верхняя полка. Было одновременно и радостно, и грустно так быстро расставаться со Львовом, толком и не увидев его, да и с новыми знакомыми, с которыми пришлось спешно распрощаться.

В купе я появился первым. Потом по одному начали подтягиваться мои попутчики. Все трое были местными, из города или пригорода, все старше меня на добрый десяток лет, и все разговаривали на своём диалекте украинского языка, а я с ними общался на своём диалекте севера одесской области (исторически Юг Подола), откуда я, собственно, и родом. Мы друг друга понимали прекрасно, кроме, может, парочки раз, в любом случае общая картина оставалась понятной. Все, как это принято, начали выставлять на стол всё съестное и питьевое, что взяли с собой. И тут произошел небольшой конфуз: один парень спросил меня, не буду ли я «бульбу». Не понимая тогда, что это значит, я принял угощение. Но оказалось, что это отваренный молодой картофель, а в баночке это выглядело как клёцки. Картошки мне не хотелось. Однако пришлось есть, раз согласился. Как и в автобусе по дороге из Жешува во Львов, эта компания тоже оказалась очень приветливой и веселой. Дорога нас ждала дальняя, но с ними я её не замечал. Было ощущение, что мы не закрывали рот ни на минуту, причем я настолько углубился в украинскую речь, что, когда мы пересекли российскую границу и поезд остановился (вдоль него начал ходить народ и предлагать всё возможное и невозможное, начиная от вареников, заканчивая чайным сервизом), я попытался что-то сказать одной женщине по-русски, высунувшись из свободного открытого окна в вагоне, и вдруг начал напрягаться, чтобы вспомнить русские слова. Один из пассажиров начал подтрунивать над продавщицей, расспрашивать все подробности про чайный сервиз. Она так искренне обрадовалась и взялась так подробно всё объяснять и рассказывать, что мне стало её просто жалко. Я вмешался в их разговор и объяснил ей, что над ней просто подтрунивают и не собираются ничего покупать. Это немного остудило её пыл, да и шутник оставил её наконец-то в покое. Правда, сказал я ей это с таким жутким акцентом, что она меня не сразу поняла и начала было мне этот сервиз впихивать.

В самой Москве прибытие поезда из Львова, наверное, было чем-то особенным. Приехавшие воспринимались как люди из дальнего зарубежья, в отличие, скажем, от тех же киевлян. Например, когда я со своими попутчиками разговаривал на украинском на перроне, стоя возле поезда Львов – Москва, никто на нас не обращал никакого внимания. Стоило же нам лишь спуститься вниз, к камерам хранения, как на нас тут же начинали оборачиваться, будто мы разговариваем на каком-то инопланетном наречии. Когда мы начали прощаться, то перешли

вдруг на русский и пожелали друг другу удачи. Конечно же, обменялись и адресами, и телефонами, также как и с моими попутчиками из Польши. Но больше с тех пор мы друг о друге ничего не слышали. Сравнивая те времена, когда отсутствовали мобильная связь, интернет и виртуальные социальные сети, с нынешними, понимаешь, насколько проще сегодня устанавливать контакты. Попрощавшись со своими новыми знакомыми, я отправился к телефонной будке, чтобы позвонить москвичам, к которым собирался в гости.

А в гости я собирался к древним друзьям моих родителей. Когда-то давно из Кодымы, что на историческом Юге Подола, Вера – подруга и землячка моей матери – вышла замуж и переехала жить в Москву. Нажили они с мужем двоих детей обоих полов, занимали квартиру в самом центре, на Большой Серпуховской, недалеко от Павелецкого вокзала. Квартира на первом этаже, очень тихий и уютный район и в то же время центр. Жили они, правда, довольно бедно. Мужская половина семейства подрабатывала дворниками, получая дополнительно по сто американских долларов в месяц, на то время, очевидно, обычная зарплата дворника Москвы. Работать надо было всего пару часов каждый день, но очень рано вставать. Молодой человек был вроде студентом, а вот какая основная профессия главы семейства, я так и не понял. Приняли они меня без особого энтузиазма, но было еще терпимо. Остаться я хотел всего на два дня: найти ближайший рынок и продать весь товар кому-нибудь оптом. Но, как говорится, земля слухом полнится. Пошныряв по Москве, увидел, что паспортных обложек там навезли в таком количестве, что я уже начал сомневаться в успехе своего дела, а оптовая цена, за которую у меня готовы были купить, оказалась просто смешная. Кто-то мне посоветовал один оптовый рынок, на который я попал только на второй день. Очень быстро сообразив, что к чему, стал искать лишнее место в торговой палатке.

Рынок был достаточно хорошо организован, за возможность продавать нужно было платить, и иногда не только рыночной администрации, но это не о моем случае. В одной палатке разрешалось находиться не более чем двум продавцам. За гораздо меньшую сумму можно договориться торговать третьим с условием, что в палатке будут оставаться только двое, фактически обходя административные правила. Походив вдоль стратегически хорошо расположенных рядов (ближе к входу на рынок), я нашел ребят, которые согласились принять меня в свою компанию. Один из них оказался моим тёзкой, и мы быстро подружились. Первый день на рынке получился не очень удачным, да и пришёл я довольно поздно. Поэтому, когда вернулся вечером к своим «гостеприимным» хозяевам на Большую Серпуховскую с почти такой же полной сумкой паспортных обложек, как и накануне утром, встретили они меня уже с заметным напряжением. И приобретённая в супермаркете порция пельменей на всех лишь краткосрочно подсластила мне вечер.

Мне выделили отдельную комнату, где я мог закрыть дверь, а за её пределами происходили какие-то странные вещи. Сначала был какой-то ужасный скандал. Вера ругалась со своим супругом. Меня предупредили, что её супруг не совсем адекватен. Потом у Веры начался приступ эпилепсии. Не знаю, как это выглядит, но слышится ужасно. На следующее утро я был рад поскорее покинуть пределы своего временного пристанища. А выходил уже в шесть утра. В этот день дела пошли лучше. Однако я всё ещё был далёк от того, чтобы продать весь свой товар. И в гостях дела пошли гораздо хуже. Вечером всё было хорошо, я опять принёс всем что-то на ужин, мы смогли спокойно пообщаться, но дома находились только Вера с детьми. Хозяин дома подозрительно долго отсутствовал. Не дождавшись его, все пошли спать. Глубокой ночью, скорее даже под утро, разразился скандал! Верин супруг пришёл домой не один, а в компании каких-то совершенно незнакомых молодых людей, которых, как мне показалось из разговора, а точнее, выкриков, он подобрал где-то на улице. Он и его двое спутников были вдрызг пьяны. Из их криков я услышал, что раз к Вере приезжают гости, то почему он не может привести своих гостей? Когда я через час-полтора уже должен был вставать, всё затихло, а Верин супруг и его случайные собутыльники улеглись прямо на кухне на полу, так что мне

пришлось переступать через них. Верин муж проснулся, явно поджидая меня, чтобы что-то сказать. Стал передо мной притворно извиняться за неудобства, стараясь выглядеть культурным и воспитанным человеком. И хоть он к тому времени не успел протрезветь, было заметно, что прекрасно понимает, что делает и что весь этот цирк в мою честь. «Пора искать себе другое пристанище», – подумал я.

Появившись на оптовом рынке, первым делом я рассказал вышеописанную историю Роману, будучи ещё под большим впечатлением. Он, к моему удивлению, недолго думая, сразу предложил мне остаться у своих родителей в Подмоскowie, где также жил его брат, тоже торгующий на рынке, с которым я уже успел познакомиться накануне. Свою жилую площадь он не мог предложить, потому что сам снимал комнату и делил со своей супругой. Я в тот же день, еще не дождавшись закрытия рынка, пришёл на Большую Серпуховскую за своими вещами и дома встретил только Веру, супруга её, слава богу, не было. Я сообщил ей, что все обложки мне удалось продать оптом и я уезжаю сегодня же обратно в Кишинёв. Мне не хотелось её огорчать. Думаю, она бы расстроилась, если бы узнала, что ушёл я из-за странных выходок её мужа. На её лице можно было прочесть облегчение. Я боялся, что она попросит меня, как это было принято, остаться ещё на одну ночь, что считалось бы хорошим тоном. Но в таком случае я бы сказал, что уже купил билет на поезд. Но от нее я не услышал даже намека на такое предложение.

За 10–15 минут собравшись, убрался восвояси – обратно на рынок. Я был очень благодарен Роману за эту возможность и его брату Олегу за то, что без колебаний согласился приютить меня. Я, конечно же, рассматривал и вариант с гостиницей, но в те времена это была не самая удачная альтернатива, учитывая цену и качество. Забавно получилось, когда приехали к нему в поселок в Подмоскowie. Как только мы появились в дверях, он громко объявил своим родителям: «Знакомьтесь – это Роман, он будет у нас жить». К моему величайшему удивлению (наверное, еще оставался горький осадок от «гостеприимства» на Большой Серпуховской), его родители отреагировали совершенно спокойно и очень радушно, при этом они даже не спросили, надолго ли я к ним. Тут же наложили мне полную тарелку щей, так что за края выливалось, а после того, как я их съел, настаивали на добавке.

Конечно, этот переезд был связан с определёнными трудностями. Приходилось вставать очень рано (в четыре часа утра), быстро собираться и еще полтора часа ехать на электричке. В ней удавалось еще часик поспать. Она в это время ходила полупустой, так что занять целую скамейку для себя – не проблема. Но спать на деревянных скамейках было твёрдо. А уже около шести утра мы добирались до рынка. В шесть утра я съедал большую тарелку пельменей или плова, в одиннадцать у меня начинался второй, не менее калорийный завтрак, а часа в два – ещё и обед. На рынке было полно восточных и азиатских закусок, которые мне пришлось по душе. Очень вкусный плов делали узбеки в огромном казане прямо на улице. Проходя мимо и вдыхая все ароматы, трудно было не поддаться искушению. Так что ел я там много. Роман даже как-то пошутил, спросив продавщицу подсолнечных жареных семечек, нет ли у неё в наличии тыквенных, известных своим антигельминтным действием. Но в действительности я очень много работал, тратил бешеное количество энергии и очень мало спал. Несмотря на это, был полон сил и энтузиазма. Подобралась хорошая компания, мы весело проводили время и зарабатывали по тем временам хорошие деньги.

Ребята оказались очень дружелюбны и гостеприимны. Я легко нашел с ними общий язык. На рынке они работали только на каникулах, а основным занятием была учеба в университете. Поработав летом, они сполна обеспечивали себя деньгами на весь учебный год. Ведь, в отличие от моих горе-хозяев, эти друзья были в состоянии заработать сто долларов не в месяц, а в день. И это минимум. Правда, работать приходилось очень много, а спать и отдыхать – совсем мало.

После того как я ознакомился со всей этой кухней, долго не мог понять, как можно жить в Москве и работать дворником за сто долларов в месяц, когда я за три дня пребывания обнару-

жил возможность зарабатывать столько же в день. И это без особых требований к умственным способностям. Только желание работать. А работать надо было действительно много. Рынок открывался уже с шести утра. Оставались мы в палатке до шести вечера, потом у ребят происходил расчет с хозяином, что длилось определенное время. Хозяин почему-то не приобрел машинку для счета банкнот и все деньги считал вручную, что отнимало иногда очень много времени. Хорошо, что он относительно быстро рассчитывался с моими новыми коллегами. Так как я вечером оставался с ними, то не хотелось ещё слишком долго задерживаться. А хозяин был уже долларовым миллионером. Молодой парень лет тридцати. Правда, показывать он свое богатство не мог – боялся местного рэкета. Деньги могли отобрать быстро. Или увеличить мзду, которую ему и так приходилось платить за контейнер на рынке. Ездил на скромном ВАЗ-2105, хоть и новеньком, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Суть бизнеса была проста: на тот момент большим спросом пользовались банты для волос под названием «Твистер». Эти твистеры производились в Китае, хорошо раскручивались в рекламных роликах по телевидению и ввозились в страну миллионными партиями. Если кто-то их продавал, знает, о чём я говорю. Зарабатывали на них многие: существовала целая цепочка посредников. Сначала те, кто скупал твистеры оптом у тех, кто привозил товар из Китая. Потом скупщики на оптовых рынках, и после них ещё как минимум одно звено. Я часто видел, как твистеры продают в розницу в переходах московского метро в два раза дороже, чем в среднем на оптовом рынке.

Первыми скупщиками были, как правило, выходцы с Кавказа: они держали это звено крепко в своих руках. Привозили большие баулы под закрытие рынка, ходили между рядами и предлагали свой товар. Но покупать нужно было сразу как минимум один большой баул – не меньше чем на 500 долларов. Зато на следующий день была реальная возможность заработать. Товар уходил, естественно, дороже. И хоть на каждой штучке маржа получалась небольшая, но благодаря внушительному количеству можно было заработать и двести, и даже тысячу долларов в день в зависимости от вложений. Например, хозяин моих коллег имел целую сеть продавцов, которые получали на перепродаже без своих вложений, как я уже говорил, не менее ста долларов в день. С каждого проданного твистера продавец зарабатывал копейку.

Когда хозяин заметил, что ребята зарабатывают больше, начал жадничать и отбирать «лишнее». Но после парочки таких выходов юные студенты стали скрывать от него доходы и придерживать одну-другую десятку долларов. Для этого надо было, конечно, хорошо считать в голове, иначе если бы он заметил, что денег слишком мало, то уволил бы. Это, в свою очередь, и побудило моих коллег начать зарабатывать самим и в то же время оставить за собой работу у хозяина. Ведь время твистеров рано или поздно должно пройти, начнется что-то другое, непроверенное, а всегда рисковать своими деньгами возможности не было. Несколько раз подряд мы покупали твистеры у кавказцев и успешно продавали их в последующие дни. Хозяин ребят не заметил большой разницы, так как мы распределяли товар на несколько дней вперёд. Таким образом мне удалось заработать ещё несколько лишних сотен долларов. От паспортных обложек я тоже наконец-то избавился, хоть и продлилось это ни много ни мало около двух недель. Настала пора решать, что делать дальше. Мои «бизнес»-партнеры очень уговаривали остаться: «Кто нас там, в Европе, ждет?» – спрашивали они. Но переубедить меня было невозможно. Вопрос с московской пропиской в определенной степени волновал, хотя его можно было решить: в метро полно предложений на этот счет. Я понимал, что вопрос с зарабатыванием денег, к тому же немалых, тоже будет снят с повестки дня. Тем более Москва мне очень понравилась – динамичный, активно развивающийся город, с огромным потенциалом и невероятной покупательной способностью. На наш оптовый рынок съезжались люди со всей России, даже с Владивостока! И, наверное, если бы не моё твёрдое решение уезжать в Италию, а оттуда, возможно, всё ещё попробовать попасть в Канаду, я бы остался в Москве.

И наконец, после трёх недель пребывания в российской столице и небольших колебаний, я всё же решил уезжать. Ведь, несмотря на то что появлялась возможность заработать много денег, их так же легко можно было потерять. В 1995-м Москву никак нельзя было назвать безопасным городом. Возможности хранить свои сбережения в банке я не видел, хранить в съёмной квартире тоже небезопасно, а носить с собой – и подавно. А стоило где-то случайно засветиться, то пришлось бы иметь дело с местным рэкетом, а там никогда не знаешь, будешь отдавать только часть своих заработков или у тебя отберут в один прекрасный день всё. И хорошо, если оставят живым. В общем, взвесив всё и вся, я решил возвращаться в Кишинёв и готовиться к поездке в Италию.

Глава 3

Август – декабрь 1995 г.

Вылазка

Вернулся я в Кишинёв полным сил и оптимизма, решительно поставил своих опекунов (а по совместительству родных дядю и тётю, ставших мне волею судьбы родителями, и у которых я временно проживал после продажи квартиры) в известность о своем намерении уехать в Италию. Они восприняли новость со сдержанным оптимизмом. Начал искать репетитора итальянского языка, которого нашёл достаточно быстро. Это была местная жительница, побывавшая в Италии. Порепетировали мы с ней очень мало, всего урока три, если не считать, что первый был пробным. Очень много мне хотелось узнать про Италию: как там живут люди? Как ей понравилась страна? Однозначных ответов я не получил, лишь одно наставление: «По возможности езжайте на север – на юге хуже». Я вспомнил, что то же самое говорил мне и мой попутчик из Жешува. По совету репетитора купил хороший самоучитель. Поняв, что язык несложный, а преподает она не совсем профессионально, решил с ней распрощаться. Предварительно попросил её перевести мне текст на одной странице, где я коротко излагал свои причины побега из Молдавии. Она также дала мне адрес одной своей знакомой итальянки, к которой я бы смог обратиться в случае чего. Проживала эта знакомая в Тоскане, в городе Пизе. Текст она мне перевела более-менее правильно, но, как оказалось позже, выражение «я сбежал из Молдавии» было переведено приблизительно как «я обувь из Молдавии» (вместо итальянского *scappato* – *scarpe*). Возможно, это была опечатка. А тот адрес, что она дала, превратился в важный ориентир для моей будущей поездки.

В течение следующих двух месяцев я устроил себе интенсивный курс итальянского. Каждое утро, с девяти до двенадцати, закрывался в комнате и занимался по самоучителю. По истечении этого времени я уже довольно сносно понимал, о чём говорят в новостях, хотя для меня это было всё ещё очень быстро. Я также достаточно хорошо понимал детские сказки на итальянском, написанные в учебнике.

В середине сентября решил отправиться в Стамбул – прикупить себе одежды и проветриться разок перед предстоящей поездкой. Поехал я уже проверенной дорогой: из Кишинева в Бухарест на ночном поезде, а из Бухареста – на комфортном прямом автобусе в Стамбул через Болгарию. Поездка была не совсем удачной. По пути в Болгарии мы остановились, чтобы перекусить в одной столовой, и я там, по всей видимости, чем-то отравился. Не прошло и часа после того, как пообедали, как меня не только атаковали жуткие боли, но и стало очевидно полное расстройство желудка. Так как в самом автобусе туалета не было, каждую остановку, которую он делал, я, вместо того чтобы, как остальные пассажиры, размять косточки или купить себе что-нибудь попить-перекусить, проводил всё время в туалетах. В итоге за все наши остановки ни один не пропустил. Подъезжая к Стамбулу, я еще как-то мог запечатлеть красоту переливающихся огней приближающегося мегаполиса, но по большей части, к сожалению, меня занимали совершенно другие мысли.

В Стамбул мы приехали поздно – около часа ночи. Остановились, к счастью, возле какого-то отеля. Я решил, что тогда сразу там и зарегистрируюсь: «Скорее, скорее давайте мне номер!» Номер мне дали такой, что даже в кошмарном сне не приснится. Во-первых, в нём страшно несло сыростью. Оказалось, что занавеска, странным образом висящая на стене комнаты, закрывала не стену, а дыру в ней. Я заглянул внутрь и увидел пустоту с моего верхнего этажа до самого низа. Точнее, не видел, как глубокий этот колодец, но логично, что он продол-

жался как минимум до основания здания. Возможно, данное пространство задумано для вентиляции дома, или это была его такая особая конструкция. Я боялся себе представить, что за животные и насекомые могли там находиться. Немного подумал и решил, что, наверное, всё-таки тут не останусь, а выпишусь из этой гостиницы сразу, как только воспользуюсь предоставленными удобствами. Потом еще оказалось, что в этом отеле на ночь отключают воду. У меня накопилось достаточно аргументов, чтобы отказаться от заселения. Тем более не наблюдалось более никакой спешности. Очевидно, отравление прошло. Я спокойно и неспешно мог теперь искать себе новое пристанище.

Хоть я и ездил в Стамбул два года назад, заметил, что неплохо еще ориентируюсь. Я нашел гостиницу, в которой был в последний раз, и решил там же и остановиться. В ней было всё так же прилично, как и прежде. Ради покупки одежды мне точно не стоило ездить в Стамбул. Одно дело – закупаться оптом, и совсем другое – покупать что-то для себя в розницу. Во втором случае продавцы скидывали цены лишь незначительно, так что они получались ненамного ниже, чем на кишиневском рынке. Но поездка необходима была мне не для того, чтобы сэкономить. Я просто хотел немного проветриться, и мне нужен был драйв – переключиться на чемоданное настроение. В общем, если не учитывать отравление, то поездка мне понравилась. Вернулся я полный энергии и сил, а также с кучей вещей, в том числе и новой спортивной дорожной сумкой, которую собирался использовать для поездки в Италию.

Между делом нужно было, конечно же, найти туристическую фирму, которая бы мне помогла получить итальянскую визу и которой ещё можно было бы довериться. Я пытался найти таковую среди своих знакомых. И как это часто бывало, снова случайность. Однажды в полном троллейбусе я встретил одну свою старую знакомую. Мне даже трудно сказать сегодня, насколько я её плохо знал. Помню только, что мы с ней поздоровались и спросили друг друга, чем занимаемся и как идут дела. Так и не вспомнив, откуда я ее знаю, рассказал ей, что хочу навестить Италию и ищу хорошее турбюро, которое бы помогло с визой. К моему большому удивлению, оказалось, что фирма, в которой она работает, помогает с получением виз. На следующий день я уже стоял на пороге этой туристической компании. В приёмной, прямо перед входом, висел огромный плакат – то ли фотография, то ли фантазия художника. Неописуемо красивый пейзаж, напоминающий мне жизнь в утопическом Эльдорадо, какой бы она могла быть по моим представлениям. Это был горный ландшафт со снежными шапками на вершинах, с зеленым фоном из равномерно скошенной травы, местами усеянный уютными отдельно стоящими домиками с темно-красными черепичными крышами. И над этим всем – невероятной глубины ярко-голубое небо, а по центру, в долине, зеркальное синее озеро необыкновенной чистоты. Я, словно окаменелый, уставился на эту панораму.

– Красиво? – прервала меня девушка, сидящая в приёмной.

– Очень! – всё ещё не отрывая взгляда от пейзажа, ответил я. – А это фотография реального места или картины?

Девушка не удивилась моему вопросу и не без определенной гордости в голосе лаконично ответила:

– Это Швейцария!

– И что, в Швейцарии действительно существует такая красота? – Я всё ещё не верил в реальность существования подобного на нашей планете.

– Да! Это настоящая фотография! – без тени сомнения ответила собеседница.

Паспорт

В туристической фирме меня заверили, что всё будет сделано в кратчайшие сроки, и, конечно же, нужно, как у нас водилось, всё заплатить заранее и сполна. Обещали, что виза будет сделана за две недели. Оставалось только ждать. Хорошо, что я этих людей хоть как-то знал, но всё равно оставлять им свой паспорт было немного не по себе. Этот паспорт был моей единственной возможностью выехать из страны. Ведь после того, как я бросил учебу в политехническом институте, меня должны были призвать в армию. Мне нужно было забрать свои документы из института, а для этого – пройти перерегистрацию в военкомате.

Армию я не любил и даже боялся. Во-первых, мой призыв совпал с войной в Приднестровье, и тогда меня спасло то, что я учился в институте. Но, как бы там ни было, воевать за государство, существование которого я даже не успел осознать, да ещё и против людей моей этнической принадлежности мне никак не хотелось. Во-вторых, наша армия была известна царящей дедовщиной, а в Молдавии – особенно землячеством¹³ и своей полной бесполезностью. Ибо солдат использовали как рабов – бесплатную рабочую силу, – чтобы строить дачи или дома генералам и другим должностным лицам, а то и вообще выполнять частные заказы. Перерегистрацию в военкомате я так и не прошёл, а это означало, что второго заграничного паспорта мне было не видать, как собственных ушей без зеркала. Даже своих документов из института, в том числе и аттестат о среднем образовании, я не мог забрать. Да что там говорить, я жил фактически нелегально в собственной стране, при этом будучи обычным законопослушным гражданином (если не брать во внимание мое нежелание служить).

Однажды меня сильно избили и ограбили в моей собственной квартире. Избили так сильно, что получил сотрясение мозга, и узнать мое лицо было просто невозможно. Я был на шаг от того, чтобы покинуть этот чудный мир. Уже не говорю про полицию, куда я не мог обратиться, но даже врачей должен был обходить стороной, ибо они автоматически вызывали полицейских в таких случаях. И мне пришлось обращаться к знакомым медикам и умолять их, чтобы они не сообщали в правоохранительные органы. С полицией я не мог общаться, потому что находился в списке уклоняющихся от воинской службы и моё местонахождение считалось неизвестным. Так что потерять паспорт для меня было бы огромной трагедией. Получил я его 6 октября 1992 года, сразу после моего 18-летия, и через короткое время подал документы на выездную визу на Кубу. Но с Кубой, а точнее, с Канадой, к сожалению, ничего не вышло. В дальнейшем я использовал его для поездок в Турцию.

Однако моё самое первое пересечение государственной границы бывшего СССР произошло ещё до получения загранпаспорта. В 1991 году Румыния разрешила гражданам Молдавии приезжать в их страну по внутренним паспортам, как мы уже ездили в Украину. Помню свою первую поездку в 17 лет с товарищем, ему было пятнадцать, но ехал он по паспорту своего старшего брата, на которого был очень похож. Это волнующее чувство в момент пересечения «железного занавеса» невозможно передать одним словом. Это и волнение, и радость, и освобождение, и любопытство одновременно. Правда, уже после перехода границы, когда нас встречал бедный и убогий ромский табор и цыгане выкрикивали что-то и махали руками из своих фургонов, стоящих посреди чистого поля, меня охватила определенная неуверенность. Я не ожидал увидеть ситуацию, которая могла бы быть еще хуже, чем у нас. Мне пока не приходилось наблюдать таких диких картинок. А это ужасное количество бездомных и беспризорных детей в городе! Невероятное число попрошаек и очень-очень много бедных людей.

Но в чём-то всё же Румыния была впереди нас. У них царила атмосфера свободной экономики. Бухарест располагал множеством различных баров и кафе с возможностью сидеть на

¹³ Разновидность молдавского национализма.

улице, с белыми пластиковыми столами и стульями, солнечными зонтами. У нас всё это появилось гораздо позже. Также заметил, что в Бухаресте гораздо больший выбор продуктов питания и более качественной одежды в магазинах. Например, как только мы добрались до первого продуктового супермаркета, первое, что сделали, – это купили бананов и небольшой спелый кокос, который так и не съели, поскольку не знали, как и что есть. А с трудом добытый с помощью одолженного ножа в соседнем с супермаркетом баре сок оказался ужасным, потому что напоминал по вкусу мыло. Мой попутчик не растерялся и сделал из этого кокоса две пепельницы, которые ещё много лет потом использовал. Экзотические фрукты, кроме цитрусовых, у нас продолжали быть дефицитом, как и во все «добрые» времена СССР. В Румынии наблюдался дефицит другого рода, и наша задача была внести свой скромный вклад в его устранение.

В перечень товаров, которые мы экспортировали, входил дешевый трикотаж, грампластинки с молдавской фольклорной музыкой (с невероятной маржой, как минимум в 1000 %), дихлофос – средство против насекомых и много разной другой, никому в бывшем СССР не нужной дребедени из ещё советских запасов, залежавшихся в магазинных складах, а потому и продававшихся по ещё старым, доинфляционным ценам. Днём мы всё это продавали на каком-то местном рынке, а вечером, вернувшись в гостиницу и приведя себя в порядок, отправлялись в центр города прогуливать наш заработок. Не всегда мы ездили в Бухарест, были и другие города.

Чаще всего я отправлялся в Румынию с этим своим другом Виктором. Такой себе рубаха-парень, довольно умный и хороший коллега, но зачастую ненадежный и склонный к алкоголизму, а в пьяном виде – к неадекватным действиям. И это уже в свои 15 лет! Как я уже упоминал, с его старшим братом – моим тёзкой – они внешне были невероятно похожи. Но внутренний мир этих людей был диаметрально разным. Роман по призванию и натуре – целеустремленный и творческий человек, по профессии – актер, и, насколько я мог судить после посещения спектаклей с его участием, очень талантливый. У Виктора же видимых талантов не наблюдалось. Разве что умел хорошо продавать. Причем эта способность касалась не только вещей. С чужими он вел себя настолько самоуверенно и круто, что сразу входил в доверие и завоевывал уважение. Он интуитивно чувствовал, какой товар лучше пойдёт. Например, однажды спонтанно решил, что обратно нужно обязательно везти бананы. Набрали мы их огромное количество, и в Кишинёве они все разошлись поштучно за один день. И это примерно в 10 раз дороже!

А однажды я чуть навсегда не распрощался со своим паспортом. Приблизительно через год после того, как сдал свою квартиру одному пятидесятилетнему армянину, который впоследствии проживал там со своей матерью, произошла невероятная инфляция. И цена, которую он заплатил мне год назад, стала совершенно неактуальна. Конечно же, по закону экономики это были мои риски. Но он тоже понимал, что, исходя из человеческих принципов, в этом есть определенная несправедливость. И был готов пойти мне навстречу и уже в ближайшие месяцы два выехать из моей квартиры и снять другое жилье. Тем более мне надоело уже скитаться по съемным квартирам, на которые уходила львиная доля доходов. Один небольшой вопросик, правда, оставалось ему решить. Так как дела у него на тот момент шли неважно и он был на мели, нужно было одолжить ему какую-то сумму денег, которую бы он смог пустить в оборот. А зарабатывал он на торговле цветами. Покупал в Кишинёве, а перепродавал в далеком Новосибирске, куда с товаром отправлялся на самолёте. Оказывается, это был очень выгодный бизнес, если всё шло по плану.

Тогда я решил подсобить и попросил своего знакомого по имени Валера одолжить моему квартиранту энную сумму денег. Для него не было в этом ничего необычного, он, кроме торговли золотом, ещё занимался частным кредитованием. И вот после обсуждения всех деталей я и мой квартиросъемщик Ашот пришли к Валере домой, где составили красивый договор, всё как полагается, с номерами паспортов и подписями. Должен отметить, что ни я, ни мои

данные нигде в документе не фигурировали. Но на всякий случай я принёс и свой паспорт. И вдруг неожиданно для всех Валера значительно поднял процентную ставку. И это в самый последний момент: принес деньги, и они лежали на столе. «Ну, если не хотите, то денег не будет», – отрезал кредитор с выражением лица, говорившим о том, что он всех перехитрил. Я и Ашот переглянулись. Что оставалось делать? Ведь мы уже настроились на успех.

Квартирант, к моему удивлению, довольно быстро согласился. И сделка всё-таки состоялась. Но самое неожиданное и неприятное выяснилось позже. Я оставил у Валеры паспорт! Пока приглядывался и отвлекался, он убрал его со стола, и, уходя, я просто забыл о нём. Вот какая случилась глупость! Когда позвонил хитрецу и высказал желание зайти к нему за паспортом, то, как и ожидалось, кредитор-любитель пообещал вернуть мне документ, как только снова увидит свои деньги. Ничего другого не оставалось, как молиться за успех Ашота и о его быстром возвращении из Новосибирска. Но, как говорится, если не можешь дождаться удачи, то неприятность не заставит себя долго ждать. Ашот вернулся на две недели позже, чем планировал, разбитый, разочарованный, с абсолютно провальным результатом поездки. Часть цветов испортилась в дороге, а постоянный скупщик то ли брать их по договорной цене отказался, то ли вообще уехал куда-то. Но факт таков, что продавать свои гвоздики Ашоту пришлось самому, в розницу, а город дорогой, как-то нужно было там проживать. И в итоге Ашот вернулся, можно сказать, ни с чем. О возвращении кредита не могло быть и речи. По крайней мере, в ближайшее время. А что же делать мне? Теперь о преждевременном выезде квартирантов из моей квартиры разговор не шел, ведь я остался без паспорта! Его восстановить с моим положением было практически невозможно. Стал думать о возможном выходе из этой ситуации. Валера, как я уже говорил, был очень искушенным человеком, и было трудно, почти невозможно, перехитрить его. Надо было знать его слабости, чтобы понять, как заполучить своё.

По комплекции он был высоким и тяжеловесным, физически его не одолеть. Что я, что Ашот – в два раза меньше Валеры. Нас бы он не испугался, единственное, что бы помогло, это оружие. Я понимал, что придется использовать либо какой-то макет, либо настоящее. Например, газовый пистолет. Легальное и распространенное оружие в то время. Но если бы я угрожал Валере пистолетом, это выглядело бы по меньшей мере неубедительно. Вряд ли он бы повел в мои очевидно наигранные намерения стрелять, чего я и вправду никогда бы не сделал. Надо было подключать к этому делу Ашота, который хоть и был небольшого роста, худощавым мужчиной лет пятидесяти, но из них, как оказалось, двадцать пять провёл в тюрьме. Сидел он дважды, и каждый раз – за нанесение ножевых ранений. Мой квартиросъемщик даже испытывал какую-то скрытую гордость, когда рассказывал об этом.

Эту историю, конечно, я узнал уже после того, как сдал ему квартиру. На уголовника он не был похож. Собственно, он им и не был. Он не занимался ничем нелегальным, а просидел половину жизни из-за своего неуправляемого темперамента и отсутствия самоконтроля. Но Ашот, хоть и не выглядел очень опасным типом, мог бы произвести на Валеру, угрожая ему пистолетом, убедительное впечатление. В первую очередь потому, что они хорошо друг друга не знали. Но так как мы не намеревались стрелять, нужно было ещё как-то выманить паспорт, который тот наверняка не вытащит, пока не увидит своих денег.

В общем, я набросал план. Согласовал его с Ашотом, а ему некуда было деваться, так как то, что я остался без паспорта, в большей степени висело на его плечах. План выглядел следующим образом: я попрошу Валеру вернуть паспорт, несмотря на то что всех денег Ашот отдать не может в связи с неудачной поездкой. Якобы возвращаемая сумма, которую мы назовем, должна быть внушительной – не меньше половины кредита. Это прозвучит правдоподобно, да и Валера наверняка будет рад вернуть хотя бы это. Чтобы выманить паспорт, скажу, что мы не отдадим денег, пока я не увижу документ собственными глазами: «Один раз ты меня перехитрил, теперь я тебе не доверяю». Чтобы он поверил, что деньги у нас есть и мы не блефуем, свер-

нем рулончик из бумаги, сверху приукрашенный настоящей купюрой в 50 долларов. Как бы невзначай нужно засветить этот рулончик, чтобы Валера загорелся. Была у него одна слабость – какая-то неземная любовь к деньгам. Когда он видел золото или купюры, то немножко терял голову. Эмоции будто ширмой заслоняли ему мозг и лишали способности действовать рационально. В его рискованном бизнесе не раз Валеру обманывали, не раз приходилось ему сталкиваться с опасными личностями. Если бы ему удавалось до конца оставаться хладнокровным, многих неприятностей удалось бы избежать. Но просыпающаяся вдруг неудержимая жадность при виде денег или драгоценных металлов импульсивно заставляла его идти на неоправданные риски.

Мне удалось одолжить газовый пистолет, теперь оставалось назначить дату встречи. В ночь перед этой встречей я возвращался на свою съемную квартиру и вдруг вспомнил, что квартирный хозяин уже давно просил меня посмотреть счетчик электроэнергии. Как минимум недели две прошло, а я вспомнил только в тот поздний вечер. Как это часто бывало в то время, лампочки в подъезде все были выкручены, и в коридоре царил полная темень. Электросчетчики встроены перед входной дверью. Я включил зажигалку и направил свет пламени на свой счетчик. Передо мной, не считая первых нулей, предстали три цифры: 666... По спине прошли мурашки. Несмотря на это, я не стал изменять планы. На следующий день мы договорились с Валерой о встрече у него дома. Перед этим я передал Ашоту газовый пистолет, который внешне мало чем отличался от настоящего, и объяснил ему (точно так же, как до этого объяснили и мне), что пистолет имеет незначительный дефект. И если вдруг надо выстрелить, то его следует держать немного в стороне от корпуса, потому что иначе гильза вылетит прямо в голову стреляющему...

И вот настал этот вечер, мы пришли к Валере. Он нас пригласил вовнутрь, в большую комнату. Мы устроились за журнальным столиком на креслах. Перед этим мы, как и было принято, сняли в коридоре свою обувь. Всё шло более-менее по плану, с той только разницей, что убеждать вытащить паспорт пришлось намного дольше. Приходилось приводить гораздо больше аргументов. Он явно боялся его принести. Мой последний аргумент, что я ему больше не доверяю, потому что он перехитрил меня в прошлый раз, не очень убеждал его. Тогда я сказал ему, что таким образом хочу его наказать, чтобы он знал в следующий раз, как обманывать, и с нынешнего момента буду общаться с ним только так: никакого больше доверия. Интуиция ему подсказывала, что тут какой-то подвох. В конце концов, когда мы засветили наш «долларовый» сверток, как и ожидалось, у Валеры в ответ засветились глаза – он, видимо, как всегда, отключил свои мозги. Повременив совсем немного, он, ничего не сказав, вышел в другую комнату. Мы замерли в ожидании. Вернулся он с папкой, в которой, кроме моего паспорта, находился ещё и наш договор о кредите. У меня начало учащенно биться сердце: половина дела сделана. Валера ещё раз попытался уговорить меня дать ему сначала деньги. Но после моего однозначного и эмоционального отказа всё же вернул паспорт. Я держал его в руках! Трудно было в это поверить! Я сразу спрятал его во внутренний карман своей джинсовой куртки. Ашот действовал строго по плану, и он даже на секунду дольше не собирался задерживаться: «Ладно, потом вернем сразу всё, пойдём!» – и стремительно направился в коридор, где быстро обулся и занял выжидательную позицию возле выхода. Я поспешил следом.

Валера вначале словно окаменел от нашей наглости, но постепенно стал приходить в себя и начал нервно выкрикивать: «Что значит потом? Где мои деньги?! Отдайте мне мои деньги!» Но я уже обулся. Он настиг меня в коридоре и окружил своим огромным корпусом, пока я завязывал шнурки: «Отдай мне мои деньги!» «Я бы с удовольствием, – думал я, – но откуда они у меня возьмутся? А те 50 долларов, завернутые в «куколку», принадлежат Ашоту, и он их пока решил не возвращать». Но я не нашел что ему сказать. Меня начала охватывать паника: что дальше? Почему никакой реакции от Ашота? Он еще здесь вообще?

Я уже завязал шнурки, но не мог подняться, потому что Валера завис надо мной, фактически готовясь к атаке. Так и не имея возможности подняться, всё ещё сидя на корточках, вдруг слышу угрожающий голос Ашота с легким армянским акцентом: «Валера, отойди, бя буду...» Так как Ашот стоял не в поле моего зрения, я мог видеть только Валеру, лицо которого стало вдруг серым. Онемев от страха, он отступил, и я смог встать, сразу направляясь к выходу. Возле двери стоял Ашот с очень серьезной миной и направленным на Валеру пистолетом, который он держал в соответствии с инструкцией: слегка отклонив свою руку в сторону, чтобы гильза не вылетела прямо в голову. У меня пролетела мысль: «Не думает ли он стрелять?!» На всякий случай сделал небольшую дугу вокруг, насколько это позволял узкий коридор, стараясь не попасть под линию огня. Не понимал: зачем бы он сейчас стал стрелять, когда Валера вёл себя совершенно спокойно? Может, он просто был слишком осторожным? В том или ином случае Ашот не хотел меня подвести еще и в этот раз. Так больше ничего и не сказав Валере, мы спокойно вышли из квартиры, не меняя положения пистолета. Как только закрыли дверь, я пустился в уже наступивших сумерках наутёк. Ашот – следом. В полной темноте я споткнулся о камень, который заграждал въезд машинам во двор, и довольно сильно ушибся. Ашота постигла та же участь. Мы встали, корчась от боли, отряхнулись и теперь уже поковыляли домой. Ашот недоумевал: «Зачем побежали, ара, как босяки?» – «А вдруг у него тоже есть оружие? Сейчас бы пустился за нами вдогонку!» – оправдывался я. Через полчаса мы были в моей квартире, но пока всё еще у Ашота дома. Нас встретила его добродушная и беззаботная на вид мама и обратилась к нам со своим типичным армянским акцентом: «Слушайте, Валера звонил, ара, говорит: “Ваш сын на меня пистолет направил”. А я ему: “Так он же игрушечный был”. А он: “Откуда я знал, ара?!”» У меня отошло от сердца, когда я услышал это. Какие всё-таки находчивые эти армяне: за словом в карман не полезут. Хотя бы Валера не будет думать, что ему что-то серьезное угрожало.

Ожидание

Две недели пролетели быстро. За это время я продолжил свой курс итальянского, и мне позвонила знакомая из Канады, которая проживала в Торонто, и сообщила, что, если я хочу, она может прислать мне приглашение на работу. Она наконец-то нашла работодателя, согласившегося на это. Обещали мне, правда, это уже как минимум полгода назад, и я, так и не дождавшись ничего, решил попробовать с интенсивным курсом в Ванкувере. Не хватило терпения. Теперь из-за штампа в паспорте и «засветки» в бухарестском посольстве это было нереально. Я с благодарностью и огромным сожалением отказался. Но теперь у меня другие планы, и некогда грустить об упущенных возможностях.

Через две недели, однако, визы всё ещё не было. И через три... Меня уверяли, что всё в порядке и виза будет, просто посольство Италии в Москве или какой-то там отдел временно не работает. Мне всё это страшно не нравилось. Я завершил свой двухмесячный курс итальянского и прошёл этот самоучитель вдоль и поперек – уже не оставалось что учить. Прошёл ещё месяц, а визы всё ещё не было. Прошло целых три месяца. Я уже начал немного забывать итальянский язык. Стал просматривать английский, у меня тоже был хороший самоучитель для совершенствования языка. А визы всё не было. И если бы не постоянные убедительнейшие уверения турагентства, что всё прекрасно, просто «небольшая задержка», то я бы, наверное, потерял и терпение, и надежду. И наконец только в первой половине декабря мне позвонили и сообщили, что виза открыта и мне нужно заехать в туристическое бюро и забрать паспорт. ДА! YES! SI! Неужели это правда?! Это оказалось правдой. У меня действительно была открыта виза. И наконец-то я снова держал в руках свой паспорт!

Отъезд

Моё стремление уехать, начиная ещё с 1992 года, было настолько порывисто, настолько безудержно, что я не видел ничего другого перед собой. Любое моё действие, удачи и неудачи, большие и маленькие заработки, приглашения в Киев, Москву или Петербург, включая мои любовные романы и приключения, – всё носило временный характер и всё было постольку-поскольку. Я, можно сказать, не видел, не ощущал и не наслаждался всем тем, что у меня было, до конца, потому что все мои стремления, все мои мысли были направлены вперед, туда, где, как говорится, молочные реки и кисельные берега. Будучи ещё подростком, я мечтал стать инженером и поехать работать в Канаду. Однако я собирался вернуться и не хотел уезжать навсегда. Но моя голова уже работала в этом направлении. В том же возрасте мне приснился очень яркий сон, который я долгое время не мог забыть, о том, что получаю гражданство какой-то маленькой европейской страны, то ли Бельгии, то ли Люксембурга. В 16 лет я написал стихотворение, которое пришло ко мне само по себе, словно неожиданное теплое солнце, что внезапно рассеивает грозные тучи. Писал я о том, что уйду и больше сюда не вернусь:

*На небе звёзды и луна,
Их свет мне падает в глаза.
Вокруг ночная тишина,
Я ухожу, и навсегда.*

*Уйду туда, где нет тревог,
Где каждый индивидуал.
Как жаль, но всё же я не смог
Прожить там, на ноги где встал.*

*И хоть умру в чужой земле,
Но буду в том уверен,
Что жизнь прожил я для людей,
Что был я людям верен.*

*А вот сюда – я вам клянусь —
Сюда я больше не вернусь.*

В начале 1995 года мне приснилось, что я нахожусь в эпицентре войны, похожей на Вторую мировую. Вокруг танки, грузовые военные машины, солдаты в зеленой форме. Стрельба, движения, суета. И я стою перед высоким забором. Каким-то образом мне удалось этот забор преодолеть. С чувством огромного облегчения я шел по тихой и мирной тропинке и наблюдал, как за стеной, по ту сторону, продолжалась война. Незадолго же перед самым вылетом в Италию мне вдруг снова приснился странный сон. Я увидел кладбище. Но совершенно необычное кладбище. Очень ухоженное, могилки – маленькие, ровненькие, огорожено оно было аккуратно подстриженными кустиками. Ничего подобного я не видел в своей жизни раньше, ни во сне, ни наяву! Этот сон сопровождало очень хорошее чувство. Чувство спокойствия и умиротворения.

Я никому до этого, кроме своих домашних, не говорил о своих планах. В самую первую очередь поехал покупать билет на самолет. Намеревался я лететь в Милан, в один конец. Но в офисе Air Moldova молодая сотрудница мне объяснила, что они не продают билеты в один конец. «Но как же так?! – возмутился я. – А если я хочу обратно приехать на купленном авто-

мобиле?!» Но никакие уговоры не помогали. Пришлось покупать билет в обе стороны. Немного остыв от эмоций, я вдруг подумал, что не так уж и плохо, что взял билет в обратную сторону ровно через четыре недели, насколько была годна виза. А вдруг придется возвращаться?! Но подобные мысли я отгонял от себя. Потратив на билеты приличную сумму денег, поехал в город, в родной район, чтобы посетить ещё своих друзей и родственников и сообщить им о скором отъезде. На тот момент два моих самых близких друга, тот же Виктор, с которым я ездил в Румынию, и Игорь, который уже спустя лет пять уедет в Израиль, встретили эту новость с огромным удивлением. «Как же так, до сих пор ничего не говорил?!» – недоумевали они. А до отлёта мне оставались буквально считанные дни. Мои родители предлагали мне ещё встретить Новый год вместе, до него-то всего дней десять. Но я не поддавался на уговоры. Слишком долго пришлось бы ждать, и я уже просто хотел как можно быстрее улететь отсюда.

Все, кому я рассказывал о своем отъезде, реагировали, с одной стороны, изумленно, а с другой стороны, радовались за меня. Некоторые всё еще не могли осознать, что это реальность и я уезжаю навсегда. Многие удивлялись и не могли поверить, что я так рискую, еду куда-то, не зная куда, не имея никаких ориентиров. Например, для Игоря было важно, чтобы все риски были сведены к нулю, подготовлена почва, не растрчено ни одной лишней копейки. Но тут наши взгляды диаметрально расходились. И теперь настало время, когда каждый из нас шел своим путем, действовал по своим убеждениям. Виктор и Игорь были единственными друзьями, кто провожал меня в аэропорт. Собственно, только они и были моими друзьями. Мои опекуны повезли меня в аэропорт рано утром, ещё даже не рассвело, а по дороге, заехав в другой район города, где раньше находилась моя квартира, мы забрали моих верных товарищей, которые не поленились встать в такую рань и поехать со мной, за что я был им в тот момент премного благодарен.

Прибыв в аэропорт Кишинева во вторник, 19 декабря 1995 года, после оформления полёта и сдачи багажа я отправился на таможенный контроль. Аэропорт был в то время небольшой, приблизительно как автовокзал большого города. Поэтому процедуру прохождения таможи можно было наблюдать провожающим. Таможенник, проверив мой паспорт и наличие визы, вежливо спросил, сколько я везу с собой валюты. Я ответил, что 1 000 американских долларов. «И это всё? – удивился он. – А вы знаете, что недавно был принят закон об увеличении вывозной суммы?» Я ни о чём подобном не слышал. «Так сколько вы везете все-таки?» – не отпускал меня таможенник. И тогда я признался, что у меня всего 1 020 долларов. Он улыбнулся и пропустил меня.

Я обернулся. Мои сопровождающие неотрывно смотрели на меня. Виктор показал мне большой палец, повернутый кверху: мол, всё будет отлично. Я почему-то очень ясно запомнил этот момент. Помахав провожающим, я скрылся из вида, уже больше не оборачиваясь. Небольшое помещение без окон, в которое вошел после пограничного контроля, постепенно заполнялось пассажирами самолета, летевшего рейсом Кишинев – Будапешт – Милан. Ожидание было немного томительным. Я наблюдал за своими будущими попутчиками, пытаясь угадать, кто куда летит. Потом пришло время, и мы все направились к автобусу, который нас подвез к небольшому реактивному самолету Як-40. Когда я попрощался с одним из знакомых, он меня спросил, не знаю ли я, на каком самолете лечу. Я ответил, что на билете написано Як-40. Тут он спохватился, то ли в шутку, то ли всерьез:

– О, это в принципе безопасные самолеты, но есть одна проблема. Они при взлете иногда взрываются! В общем, если через три минуты не взорвется, то в полете уже все будет хорошо.

На его лице нарисовалась помятая улыбка. До сих пор гадаю, шутил ли он или говорил серьезно. А я еще целую вечность не летал на самолетах. Пришлось лишний раз поволноваться, пока набирали высоту. Самолет был маленький, но очень уютный. Со мной сели две девушки. Одна летела до Будапешта, другая – со мной, до Милана. Первые три минуты, хоть вроде и не очень верил своему шутнику-знакомому, я переволновался так, что даже девушки заме-

тили. Хорошо, не совсем потерял самообладание. Но потом, обнаружив, что уже прошло пять минут, а самолет продолжает полет как ни в чем не бывало, я успокоился. И страх летать если не полностью, то значительно поубавился. Девушки оказались хорошими попутчицами. Мы много болтали и шутили, так что вовсе не заметили, что уже очутились в Будапеште, после чего бо́льшая часть пассажиров вышла, в том числе и одна из попутчиц. С оставшейся я разговаривал о делах насущных: о жизни в Италии, кто к кому едет, какие цели преследует. Алина, так звали мою соседку, летела в гости к своей подруге, которая уже два или три года жила в Болонье. Была очень всем довольна. От женихов у нее, по словам Алины, не было отбоя. Итальянцы ценили наших женщин за их женственность и верность. Также и с работой не было никаких проблем. Мне же особо не было о чем рассказать. Лишь то, что моя следующая цель – это Пиза, там есть какая-то знакомая, которая подскажет мне, как и где можно устроиться и что предпринять. Алина только пожала плечами: ей трудно было представить, что так вот, наобум, можно куда-то ехать.

В Будапеште к нам под село несколько итальянцев. Незадолго до приземления я разговаривал с одним из них на его родном языке. Стоя в самолете, мы наблюдали в иллюминаторе заснеженные горы, и он гордо рассказывал мне, что это Альпы. Я первый раз в жизни видел такую красоту! Это была бесчисленная сеть высоченных вершин в снегу. Нигде даже намека не было на растительность, в отличие, скажем, от Карпат – единственного, что я видел своими глазами. Он мне рассказывал, что по эту сторону Альп находится Италия, а по другую – Австрия и Швейцария. Потом нас попросили занять свои места и пристегнуться – самолёт заходил на посадку.

Глава 4

Декабрь 1995 г. – май 1996 г.

Прибытие

Из самолета я вышел вместе с Алиной с трапа прямо на улицу, где нас ждал автобус. Нас встретили теплое итальянское солнце и высокие экзотические пальмы. И это в разгаре декабря! На улице стояла в буквальном смысле слова жара. Пришлось снимать кожаную куртку, купленную в Стамбуле. Хорошо, что догадался купить куртку со съемным мехом. Становилось очевидным, что в Италии он мне вряд ли пригодится. После того как нас подвезли в аэропорт, мы очень быстро забрали свои чемоданы и сумки и направились к пограничному контролю. Было несколько пропускных пунктов. Образовалось сразу несколько очередей. Мы метались из одной в другую, пока наконец не решили остаться в какой-то. Я оставался всё время с Алиной, и мы живо о чем-то беседовали и стремительно приближались к пограничному окошку в нашем ряду. Потом вдруг очередь остановилась: поменялись пограничники. Пришла какая-то женщина на место покинувшего рабочее место мужчины. Я и Алина были на виду у этой только что приступившей к работе служащей. Я помогал своей спутнице с ее тяжелым чемоданом. И, видимо, создавалось впечатление, что это наше совместное путешествие.

Наконец подошла наша очередь. Как это присуще истинному джентльмену, я пропустил даму вперед. Алина прошла сразу, у нее была гостевая виза, и поэтому у пограничников вряд ли могли возникнуть какие-то вопросы. Подошла моя очередь. Служащая взяла мой паспорт и стала искать визу. Когда она ее обнаружила, мне показалось, охранница госграницы чему-то удивилась. Она обернулась в сторону только что отошедшей Алины – та, к счастью, всё ещё стояла сразу за кабинкой и ждала меня. Служащая заговорила со мной на итальянском, я отвечал на итальянском и английском. В итоге у нас получилась беседа на смешанных языках:

– У вас бизнес-виза, какова цель вашей поездки в Италию?

Холодок прошелся по моей спине.

– Я направляюсь в Триест, хочу присмотреть себе подержанную машину, если понравится, куплю.

В моей визе стоял местом пребывания Триест.

– А сколько у вас с собой денег? – допытывалась итальянка.

Мой ответ, что у меня 1 000 долларов, её явно не удовлетворил.

– Для деловой визы нужно иметь с собой минимум 5 000 долларов.

Меня бросило в холод. Приехали. Алина стояла в ожидании и не понимала, что там у нас происходит. По мне было, наверное, ясно, что я начинаю серьезно расстраиваться. Неужели придется лететь назад?! Я не хотел допускать этой мысли! Почему турфирма меня не предупредила насчет пяти тысяч долларов?! Служащая ещё раз глянула на мой паспорт, на меня, потом снова обернулась на Алину, которая уже нетерпеливо топталась на месте, но всё ещё ждала меня. Я жалобно взглянул на представителя закона. Она вздохнула.

– А у вас есть обратный билет?

– Да, есть! – с проблеском надежды ответил я.

Она потребовала показать. К счастью, это не составляло труда: я вытащил обратный билет из внутреннего кармана куртки, которую держал в руках. Сотрудница посмотрела внимательно на билет.

– Va bene¹⁴, – немного с натяжкой произнесла она и стукнула в мой паспорт печатью, уведомляющей о въезде в Италию.

Yes, I am in!¹⁵

Алину встретила её подруга в сопровождении немолодого итальянца. Я представлял себе итальянских женихов несколько по-иному. Подруга, в отличие от блондинки Алины, была брюнеткой и очень загоревшей. Если бы она не заговорила на русском, я бы вряд ли её отличил от итальянки. Нас представили. Мила спросила меня, куда я еду и не надо ли меня куда-то подбросить. Даже и не знал, что ей ответить. Не хотелось резко менять планы. Хоть и не был ни к чему привязан, но всё ещё мысленно держался за свою соломинку в Пизе. Поэтому вежливо отказался, хотя понимал, что, скорее всего, буду потом жалеть. Да и подруга Алины была очень даже симпатичной. Хотя вряд ли это имело бы ко мне какое-то отношение. У неё итальянские ухажеры, от которых «нет отбоя». По крайней мере, она объяснила, как попасть на вокзал в Милан, и даже побежала в киоск купить мне билет. От моих денег она категорически отказалась. Тогда я поблагодарил и Алину, и Милу, а сам отправился на экспресс-автобус.

Я сел в очень комфортабельный автобус, наподобие тех, которые курсировали из Бухареста в Стамбул. Направлялся он до центрального железнодорожного вокзала в Милане. Когда мы выехали из аэропорта, я был очень впечатлен окружающим меня миром. Это было похоже на самый настоящий капитализм, процветающую экономику, о которой я так много читал, слышал от людей, побывавших на Западе, которую видел по телевидению. Стамбул меня тоже впечатлял, но Милан превосходил его во много раз. Передо мной возвышались индустриальные строения, огромное количество уличной рекламы, множество автомобилей – истинное лицо капитализма, которое я себе где-то так и представлял. Но другое дело – увидеть это всё воочию! Даже было немного жутковато от того, что я оказался тут один, вдали от дома, родных и близких, никого нет рядом, и никому нет до тебя никакого дела! Но любопытство и желание достичь своей цели преобладали над неуверенностью. Оказавшись на вокзале, я, обменяв пару сотен долларов на местные лиры, направился к кассам, достаточно быстро сориентировался и попросил билет до Пизы на ближайший поезд. Успев перекусить, пошёл на перрон и, убедившись в том, что стоявший там поезд идет в нужном направлении, зашел внутрь и занял первое свободное место по направлению движения состава. Это был непривычный для меня поезд. Такие я видел ещё в Польше, когда ехал из Перемышля в Жешув. Такие же были и в Румынии, но к тому времени я ещё ими не пользовался, а только видел со стороны. Ездили мы в Бухарест на привычных «советских» поездах, с купе и плацкартом вместо первого и второго класса, как это типично для Запада, с располагающимися друг против друга креслами. Меня мучил лишь один вопрос: как люди выдерживают долго ехать сидя? У нас хоть можно прилечь.

Поезд тронулся. Вагон был не очень полный. Напротив меня сидела женщина лет пятидесяти, рядом через проход – ещё какой-то парень и женщина. Пока мы выезжали из города, все соблюдали тишину и лишь осторожно изучали друг друга. Но, проехав каких-то 20 минут – полчаса, женщина напротив совершенно раскованно спросила меня, кто я и куда направляюсь. Я завел с ней беседу на итальянском. Рассказал вкратце о себе, куда еду. Узнав, что я всего два месяца изучал итальянский самостоятельно, очень удивилась и восторженно похвалила меня. Потом спросила, думаю ли я остаться в Италии.

Через окно поезда проносились города с их необычными коричневыми многоэтажками, южный ландшафт с несколько непривычной для меня растительностью, в поезде была приятная атмосфера, пронизанная радушием и гостеприимством. «Да! Почему здесь не остаться?!» Люди, сидевшие через проход, тоже присоединились к нашей беседе. Всем было интересно пообщаться с иностранцем из Молдавии с украинскими корнями, который к тому же доста-

¹⁴ Хорошо.

¹⁵ Да, я внутри!

точно хорошо говорил по-итальянски. На промежуточных станциях под село больше пассажиров, только немного людей вышло. Но атмосфера оставалась такой же гостеприимной и раскованной. Спрашивали, где я собираюсь останавливаться. Сказал, что, видимо, в гостинице. Мне посоветовали искать *ostello della gioventù*, я прислушался к полезному совету. Сначала думал, что это название отеля в Пизе, но, как оказалось, это особый вид отелей по всей Европе с определенным стилем и философией, а самое главное, очень доступной ценой. Когда я расставался со своими попутчиками, все были невероятно приветливы и прощались со мной как со старым знакомым. Желали удачи, успехов и приятного путешествия. Когда выходил в Пизе, уже под вечер, один парень, что сидел рядом в поезде и до этого не особо принимал участие в коллективном общении, вышел со мной и вдруг сунул мне визитку и сказал: «Если нужна работа, позвони мне». Меня как-то даже отпугнула такая открытость. Почему-то это напомнило сектантов, которые лезут к тебе со своими брошюрами с описанием «истинного» смысла жизни. Но визитку я с благодарностью взял и обещал позвонить, хотя ещё не был уверен, воспользуюсь ли я этой карточкой. Этот парень показал мне, какой автобус едет в *ostello della gioventù*, и пошел своей дорогой.

Я сел в нужный автобус, купив билет у водителя, и, не отходя от него, ждал, когда мы приедем на место. Хоть спросил лишь водителя и достаточно тихо, где нужная остановка, тем не менее все, кто был рядом и слышал вопрос, чуть ли не хором объясняли мне, где выходить. Когда мы подъехали к этой остановке, то сразу несколько человек, включая водителя, стали показывать мне, куда идти. И один уже пожилой мужчина, выходящий на этой остановке со мной, даже провел меня до нужного поворота, чтобы убедиться, что я не заблужусь. Хоть гостиница и располагалась недалеко от остановки, но была скрыта за домами, деревьями, высокими заборами, так что новичку с остановки её было не увидеть и не найти. Меня приятно удивило такое коллективное гостеприимство и естественное желание помочь.

Когда очутился в холле гостиницы, стало понятно, почему она считается недорогой. Она была с общими удобствами, в номере с двухъярусными кроватями могли разместиться сразу несколько человек, причем еще обоих полов. И таким образом она больше напоминала общежитие. А ввиду превосходящего количества молодежи – студенческое общежитие. Когда я заселился, меня дружелюбно провели в номер, в котором на тот момент никого не было. Цена оказалась для меня вполне приемлемой – что-то в районе 20 тысяч лир за сутки. Пока распаковывался и присматривался к новому месту, ещё не успев толком понять, что к чему, с улицы вдруг раздался страшный звук торможения, завершившийся глухим, но в то же время каким-то жутким хлопком. Я вышел на улицу. Со мной последовали ещё несколько человек, чтобы понять, что там произошло. Оказавшись во дворе, что располагался с тыльной стороны гостиницы, я вышел на дорогу, и моим глазам предстало ужасное зрелище: на дороге – сбитый мотоциклист (лежащий ничком, не подавая признаков сознания), помятый автомобиль, очень суевающийся виновник происшествия и лежащий недалеко от него мототроллер. К этому моменту собралось с два десятка людей. Кто-то подошёл к сбитому водителю мототроллера, было непонятно, что с ним: он лежал лицом вниз и не шевелился. Кто-то осматривал ситуацию со стороны. Нарушивший правило невнимательный водитель автомобиля был в состоянии шока: размахивал руками и что-то отчаянно выкрикивал. Кто-то перекрыл дорогу и останавливал проезжающий транспорт. А где-то вдалеке послышался звук сирены – приближающиеся полиция со скорой помощью. Впечатление было не из приятных. Один из жителей хостела заявил, что уже неделю в Италии и наблюдал или слышал подобное чуть ли не несколько раз в день с последствиями подобной степени тяжести. Когда приехали скорая с полицией, я не стал более смотреть на всё это и отправился обратно в гостиницу. Буквально за полдня Италия смогла произвести на меня впечатления как с положительной, так и с негативной стороны.

В мой шестиместный номер набралось пять человек, включая меня. Двое въехали ещё до меня и уже были какое-то время в Пизе, оба американцы, с одной только разницей, что один

жил в США, а другой – в Зальцбурге, в Австрии. И ещё двое приехали из Аргентины. Один из них немец, отец которого – зажиточный капиталист, проживающий в Аргентине, а второй – коренной аргентинец, но похоже, что тоже не из бедной семьи. Они были одноклассниками и хорошими друзьями. Под Рождество их потянуло на путешествие по Европе, прежде чем поехать к родственникам немца в Германию, где их уже ожидали его родители. Австрийский американец рассказывал, что с превеликим удовольствием живет в Европе, и если его спрашивают друзья, когда он вернется, то отвечает, что никогда. Он тоже был студентом и, судя по всему, неплохо владел немецким, так как мог общаться с аргентинским немцем. Кстати говоря, и коренной аргентинец говорил по-немецки, так как посещал гимназию в Аргентине частично с немецким языком обучения.

На следующий день я со своими новыми знакомыми посетил достопримечательности Пизы, меня они впечатлили: было всё очень красиво, помпезно и необычно. Но свою главную цель не забыл – это та самая женщина, ради которой я приехал в этот провинциальный тосканский городок. По карте, выданной в отеле, я смог разыскать адрес и с нетерпением отправился туда в надежде понять, как мне действовать дальше. Моя цель была попросить в Италии политическое убежище. Но как это сделать, не имел ни малейшего представления. Просто пойти в ближайший полицейский участок как-то не очень хотелось. В то время у меня всё ещё существовал какой-то особый страх перед стражами порядка. Я думаю, это наследие тоталитарного устройства Советского Союза. Но к этому добавлялось ещё и то, что я сам около трёх лет скитался на просторах бывшего СССР, и для меня было крайне нежелательно контактировать с представителями власти, по причине того, что я уклонялся от службы в вооруженных силах своей новообразованной «родины». Так что правила получения и предоставления политического убежища мне были неизвестны. И вместо того, чтобы спрашивать всех моих новых знакомых, а таковых накопилось за два дня моего путешествия уже очень много, я сконцентрировался на этой загадочной женщине, которую порекомендовала преподаватель итальянского. И это несмотря на то что я свою учительницу видел-то всего три раза в жизни.

Долго блуждая по улицам незнакомого города, я наконец нашёл этот дом, где проживала та самая женщина, которая должна решить мою судьбу. Я подошёл к подъезду, разыскал её в списке жильцов и нажал на кнопку, расположенную рядом с её фамилией. Долго не было никакой реакции. Я позвонил ещё раз, немного подождав, еще. И уже было собирался уходить, так как ничего не происходило и парадная дверь оставалась закрытой. Вдруг раздался какой-то звук наподобие жужжания. Я налег на тяжелую деревянную дверь – она открылась. Зашёл внутрь и оказался в темном подъезде старинного дома с очень крутыми лестницами и высокими потолками. За дверью никого не было, и я начал медленно и не совсем уверенно подниматься по лестнице. Добравшись приблизительно до третьего этажа, увидел приоткрытую дверь.

В проеме стояла женщина лет сорока, на вид немного странная и, в отличие от других итальянцев, которых мне довелось встречать до сих пор, совершенно не приветливая. Она была очень удивлена, увидев меня: «Вам кого?» Я назвал ее фамилию и спросил, она ли это. Женщина ответила утвердительно. Тогда я объяснил ей, кто дал мне её адрес и что мне нужна помощь. Дал ей мое письмо, переведенное на итальянский язык моей учительницей. Там я на одном листе пытался вкратце описать свою безвыходную ситуацию, в которую попал в собственной стране. Что должен скрываться от официальных властей, что не могу больше получить паспорт. И всё из-за того, что оправданно отказываюсь служить в армии, опасаясь за свою жизнь и здоровье. Мало того, что я отношусь к этнической группе, против которой мое государство воевало во время приднестровского конфликта, так ещё и в армии царят дедовщина и национализм.

Что такое национализм, я уже успел испытать на себе, когда был избит на улице только за то, что ответил на русском какой-то банде проходимцев. Одним словом, меня в той армии

ничего хорошего не ждёт. А за то, что я так долго скрывался, мне, возможно, грозит тюремный срок за уклонение от службы. Вся эта история была в целом правдивой. Хотя избивали меня, а случалось это дважды, не на национальной почве. Два раза меня били в собственной квартире. И в одном случае это был действительно этнический молдаванин, но его национальность не имела к теме нашего конфликта никакого отношения. Разве что его поступок. Когда мы повздорили и подрались, а потом успокоились, он неожиданно схватил пустую бутылку от игристого вина и разбил ее об мою голову. В той культурной среде, в которой я находился, такой поступок был бы воспринят как нечестный, и после этого даже могло последовать жестокое наказание. Может быть, для него это была норма и в его среде победивших не судили. Но, возможно, просто попался такой индивидуум. В другом случае это было ограбление, и, насколько я успел заметить, в этой банде были люди разных национальностей. Однако мне надо было подчеркнуть всю трагичность моего положения, тем более знаю от знакомых и друзей, что попасть под кулак на улице на этнической почве вполне реалистично. Особенно это касалось начала 90-х годов. Один раз такое чуть не случилось и со мной. Мне тогда просто повезло, потому что шёл со своим товарищем, который в совершенстве владел румынским. Даже если, оглядываясь назад, я понимаю, что это было больше хулиганством, чем проявлением национализма, а тема национализма – всего лишь поводом, на тот момент это так не воспринималось.

Внимательно, а может, лишь сделав вид, что внимательно, прочитав врученное ей письмо, она протянула мне его обратно и в недоумении спросила меня, что же я хочу от нее. Я сказал, что от нее я ничего не хочу, но надеюсь только, что она может подсказать мне, какова процедура прошения политического убежища. На что, к моему величайшему разочарованию, поступил отрицательный ответ: «Извините, но я не знаю, чем вам помочь». Я попытался настоять, но встретил жесткое сопротивление и нежелание дальнейшего со мной общения. Хоть она и не хлопнула передо мной дверьми, но осадок у меня остался именно такой. Вот и приехали...

Трудно описать уровень моего морального состояния на тот момент. Но надо было поднимать голову и двигаться дальше. Я не из тех, кто будет совать её в песок и чего-то ждать. Положительным в этой истории было то, что я освободился от каких-то навязчивых идей о несуществующих спасительных соломинках. А когда вернулся в отель, был полностью освобожден от каких бы то ни было обязательств и планов, начерченных на белоснежном песке перед штормящим морем. Что делать дальше? Мои аргентинские соседи собирались на следующий день в Рим и предложили мне ехать с ними. Я подумал, что это было бы хорошим развитием событий. Рим – столица. Я обязательно найду там то, что искал. Тем более вдруг осенило: я смогу попробовать свое счастье в канадском посольстве! Приду туда и попрошу убежище. Почему бы и нет? Сказано – сделано. На следующий день я с ребятами отправился в Рим.

Roma

Дорога пролетела быстро благодаря тому, что мы всё время разговаривали на всевозможные темы, насколько позволял нам это язык общения – конечно же, английский – практически единственный язык, на котором общались молодежные отели Италии. Такой себе параллельный мир. В Рим мы прибыли к вечеру. Мне очень повезло, что поехал с сопровождением. Сам бы там попросту заблудился. Рим оказался огромным городом. Недалеко от железнодорожного вокзала Тёрмини располагалась молодежная гостиница, куда мы и направились пешком. Все улицы и дома мне казались настолько одинаковыми, что было совершенно невозможно их отличить. И первое, что бросилось в глаза, – это необычная субтропическая растительность. По парку напротив вокзала ходили люди с мегафонами, которые они направляли в небо, проигрывая через них птичьи звуки, предупреждающие, по всей видимости, об опасности. В небе летало такое количество птиц, что их можно было перепутать с грозовыми тучами. Из-за шума мегафонов птицы не решались садиться на деревья в парке. Однако находились и некоторые исключения – отчаянные смельчаки или те, кто оказывался в безвыходном положении. В парке уже намечались последствия того относительно небольшого исключения, но по численности – огромного количества птиц. Это помёт, который кое-где хрустел под ногами подобно первому выпавшему за ночь снегу где-то в наших северных широтах. Такой себе снег с душком.

Ребята шли очень уверенно дальше, а я следовал за ними, и где-то через 500 метров мы добрались до гостиницы. Правда, узнать с улицы, что это гостиница, было почти невозможно: она располагалась в одном подъезде с другими квартирами. И лишь маленькая табличка с названием подсказывала, что мы в нужном месте. В фойе нас встретил немец лет тридцати, который сделал регистрацию и очень любезно всё объяснил. Я с аргентинцами поселился снова в одной комнате. Но на следующий день они собирались уезжать в Германию на поезде, чтобы поспеть к Рождеству. «И вы не хотите встретить Рождество в Риме? С Папой Римским?» – удивлялся я. Но они не поддавались уговорам. Для них Рождество было исключительно семейным праздником. По крайней мере, мы ещё прошли на прощанье по ночному Риму, по самым известным местам старого города: Колизей, площадь Венеции, Руины, центральные парки и фонтаны. Я был ошеломлен красотой и величием, которые излучали все эти монументы! Я ходил и только и повторял: «Oh my God! Oh my God!»¹⁶ Ночное освещение исторических памятников к тому же значительно усиливало эффект: всё казалось гораздо красивее, величественнее и производило намного больше впечатления, чем при дневном освещении, правда, об этом я узнал лишь в последующие дни. Та прогулка по ночному Риму не только произвела на меня неизгладимое впечатление, но и стала для меня настоящей сенсацией. Я просто влюбился в этот город. Хотя, признаться, в то время был сторонником современной архитектуры. Ближе к ночи я позвонил в Кишинёв сообщить, что на месте, добрался до Рима и всё пока благополучно. Мои очень удивились. Но, как оказалось, вовсе не тому, что я в Риме, а тому, что буквально на днях они прочитали в моём гороскопе на текущую неделю: «Если весы будут праздновать Новый год не в Риме, то по крайней мере точно в каком-то незаурядном месте». Забавное совпадение!

На следующий день мои кратковременные друзья, после традиционного, но скорее обусловленного любезностью обмена адресами и телефонами направились на поезде на север. А мне ничего другого не оставалось, как искать себе новых кратковременных друзей. Но, как выяснилось, это было совершенно просто и естественно. Начала съезжаться большая группа американских студентов, желающих отпраздновать Рождество в Риме. А эти ребята отличались изрядной общительностью.

¹⁶ О Боже! О Боже!

Самым удачным временем для новых знакомств оказались предстоящие выходные. А пока ещё была пятница, я решил не забывать, зачем приехал в столицу Италии, и испытать счастье в канадском посольстве. А вдруг повезет? Сориентировавшись в общественном транспорте Рима и пользуясь городской картой, которую выдали в нашей гостинице, я с определенным усилием нашел канадское посольство и к тому же попал в приемное время! Пропускали всех без предварительной записи. Я прошел через ворота металлоискателя, и у меня лишь потребовали оставить мой фотоаппарат Fujifilm, который я купил перед поездкой. После чего смог спокойно пройти на прием к консулу. Консул, как и в Бухаресте, сидел за окошком, защитившись от посетителей толстым стеклом. Я поздоровался и протянул ему через круглое отверстие в окошке мою объяснительную, только в английском варианте, которую переводил самостоятельно. Ознакомившись с содержанием, консул переспросил меня: «Do you want to apply for a political asylum in Canada?» – «Yes, I do», – ответил я. «But we are not in Canada. This is just an embassy. Unfortunately, you cannot apply for a political asylum in the embassy!»¹⁷ Я был разочарован, но не настолько, чтобы отчаиваться. Консул был в высшей мере вежлив и учтив. Другими словами, я почувствовал при общении значительную разницу с посольством в Бухаресте. Здесь тебя воспринимали на равных, как человека, без лишней и никому не нужной надменности. Несмотря на отказ, консул не отпустил меня ни с чем, а дал адрес организации, которая помогает людям с эмиграцией в Канаду. Я с благодарностью взял у него адрес и отправился обратно, в центр Рима, в свой отель.

¹⁷ «Вы хотите подать заявление на политическое убежище в Канаде?» – «Да, хочу». – «Но мы не в Канаде. Это лишь посольство. К сожалению, Вы не можете подать заявление о предоставлении политического убежища в посольстве».

* * *

Выходные я провел в кругу новых друзей. В основном это были американцы: кто с Аляски, кто с Гавайев, кто из Техаса. С ними я обошел все достопримечательности Рима. Эти знакомства были мне очень на руку, потому что эти люди были подготовлены и заранее знали, куда надо ехать, что посмотреть. Часто мы ходили небольшими группами по 4–5 человек, иногда группа увеличивалась до 8–10, как, например, накануне Рождества, 24 декабря. Мы все вместе отправились в Ватикан, в собор Святого Петра, встретить Рождество вместе с Папой Римским. Людей в соборе было очень много. Посреди храма располагались сидячие места, ограниченные красной лентой. По периметру были места стоячие для всех желающих. Сидеть могли только отдельно приглашенные гости, а также персоны с ограниченными возможностями, для которых выделялись самые удобные места в первых рядах. Мы, к счастью, пришли достаточно рано и смогли занять стоячие места с очень хорошим обзором. Все с нетерпением ожидали Папу Иоанна Павла II, который действительно появился. Я сделал несколько фотографий, но Папа Римский получился на них гораздо дальше, чем я видел его вживую. На следующий день на площади храма традиционно собрались люди в ожидании появления Папы в своем окне. Я тоже был на этой площади в 1995 году, 25 декабря. И хоть сам не был фанатом Папы, тем не менее заразился эйфорией от толпы. И тоже ликовал вместе с другими, когда он появился в окне. Этот момент я запечатлел фотоаппаратом. К сожалению, и в этот раз фотография не передала ту картинку, которая предстала моему взору, как это было и в предыдущую ночь в храме. Но с фотографией так или иначе не передать всех ощущений.

Всю предновогоднюю неделю я посещал достопримечательности и знакомился с новыми людьми. В эти дни стали съезжаться австралийцы. Они сильно отличались от воспитанных и иногда педантичных американцев. Австралийцы имели достаточно хулиганистую натуру, и казалось, что воспринимали жизнь как-то легче, не концентрируясь на общепринятых правилах. Отличало их ещё и то, что они терпеть не могли американцев. Я никак не мог понять, откуда у них такая неприязнь. И американцы в свою очередь очень чувствовали эту неприязнь, но из-за своей воспитанности делали какие-то глупости, чем ещё больше раздражали австралийцев. Когда я спросил их, за что они так не любят американцев, мне отвечали, что они якобы тупые. Однако, пообщавшись с некоторыми из них, я не мог согласиться с австралийцами: американцы мне показались вполне адекватными ребятами. Одному типу с Аляски, помню, сказал, что он счастливый человек. Он спросил почему. Я ответил: потому что тот – гражданин Америки. В ответ же он сказал мне, что это я счастливый человек. Я недоумевал почему. Оказывается, потому что знаю русский язык. Но при достаточной воле язык-то можно выучить. А вот получить американское гражданство не такое простое дело и зависит не только от твоего желания, парировал я.

Гавайцы из Гонолулу мечтали заняться бизнесом, когда закончат учебу в университете. С ними я, помнится, ходил в ресторан. После еды, правда, педантичный подсчет каждой лиры и каждого съеденного кусочка хлеба у меня оставил неприятный осадок. Но это часть их культуры и вряд ли является поводом для ненависти, даже если эта ненависть не была глубокой и искренней. В остальном всё же, надо признаться, австралийцы не были такими чересчур серьезными, как американцы, и, в отличие от них, имели прекрасное чувство юмора. Причем юмор этот был в основном черным и достаточно жестоким, но часто таким же смешным, как и его добродушный собрат. И я не жалею, что мне привелось встретить новый 1996 год в Риме, на Пьяцца-дель-Пополо, именно в компании трех австралийцев: с двумя парнями и одной девушкой. А также с невиданным количеством туземцев и приезжих людей, стоявших вплотную друг к другу ввиду особого дефицита пространства.

Banano

Если быть точным, то сам новый год я уже встретил лишь с одним австралийцем – Джеймсом. Его друзья, парень с девушкой, к сожалению, праздник отмечали в больнице, потому что девушка ещё за пару часов до наступления нового года успела выпить столько алкогольных напитков, что упала без сознания. Пришлось вызывать скорую, и парень, конечно же, поехал её сопровождать. Так и пришлось бедолагам встречать новый год. Я их видел уже после праздника, и вроде всё было с ними нормально. Они сильно не расстроились, а о примете «как встретишь Новый год, так его и проведёшь» они, возможно, ничего не слышали. Мне же и моему новому коллеге, согласно примете, светил очень яркий и полный событий наступающий год, включая элементы нарушения правопорядка. Австралийцы, как я уже говорил, оказались врожденными шутниками-хулиганами. Сначала мы высмеивали итальянцев за их потешное пожелание «Buon anno!», что в переводе означает «С Новым годом!», выкрикивая вместо «буон анно» «банано». Итальянцы же, конечно, не слышали разницы и весело отвечали на наш «банан» – «С Новым годом!». Между делом соплеменник известного киногероя Майкла Данди заприметил то ли индуса, то ли шриланкийца, который шел на другой стороне улицы и нес огромный букет цветов на продажу. На мое немалое удивление, совершенно искренне обрадовавшись цветам, австралиец выкрикнул на всю улицу так, чтобы его услышал индус: «Oh! Flowers!!!»¹⁸ И, к моему ещё большему удивлению, стремительно направился к нему навстречу через дорогу на другую сторону тротуара. Я недоумевал: «Зачем ему понадобились цветы?» Подойдя вплотную к уже было обрадовавшемуся флористу, который с широкой искренней улыбкой протянул австралийцу огромный букет красных роз на выбор, австралиец сменил милость на гнев, показав отчаянно изумившемуся индусу прямо перед носом средний палец и грозно прорычав: «Fuck you!!!»¹⁹ Я, мягко говоря, не нашел эту шутку особо смешной, тут черный юмор уже проходил по нейтральным водам, граничащим со злобным издевательством. В конце концов всё обошлось мирно, и онемевший от такой выходки продавец цветов ошеломленно пошагал дальше.

Мы уже были достаточно подвыпившими, но какой Новый год без итальянского просекко? Оно продавалось перед самой площадью повсюду. Джеймс попросил у меня половину суммы, чтобы купить и для нас одну бутылку. Причем совершенно непонятно, зачем начал задираться и пытаться что-то выторговывать, создавая никому не нужный стресс во время праздника и хорошего общего настроения. В конце концов Джеймс отступил и купил просекко за начальную цену. Отойдя чуть в сторону, он открыл мне свою куртку и показал ещё одну бутылку, которая ему досталась бесплатно. Стало ясно, зачем был нужен весь этот показательный торг. Но свистнул он вино не из-за жадности, а исключительно ради спортивного интереса и желания повеселиться. Теперь у нас было по одной бутылке просекко на каждого. Всё это происходило по дороге на Пьяцца-дель-Пополо. Когда же мы дошли до своей цели, то обнаружили огромное, выходящее за рамки воображаемого количество народа. Площадь к тому же была по периметру с фронтальной части обнесена забором. Когда мы дошли туда и просто перешагнули его – ведь там было гораздо больше пространства для маневров, – к нам тут же подбежал блюститель порядка и сопровождал обратно за перегородку, прямиком в толпищу. В тесноте, да не в обиде! Мы заняли предоставившиеся нам места и замерли в ожидании наступления нового года. Ждать пришлось совсем недолго, так как мы, собственно говоря, уже чуть не опоздали. Мы, всматриваясь, следили за часами на башне напротив площади, но можно было просто дожидаться реакции вокруг стоящих людей.

¹⁸ О, цветы!

¹⁹ Пошёл на...!

Что тут началось!!! Кругом взрывались петарды, зажигались фейерверки. Все начали друг друга поздравлять, рядом стоящих и даже плохо знакомых людей: «Банано! Банано!» Мы, конечно, не забывали свою шутку. Для полной кульминации ещё бросили в толпу петарды, которые специально берегли на этот случай. Согласен, что это была глупая выходка пьяных туристов. Но в свое оправдание могу с уверенностью сказать, что никто не пострадал и мы были не единственными, кто так поступал. В нашу сторону тоже летели и взрывались петарды, и всё это хоть и немного пугало, но создавало беспешашную и праздничную атмосферу и точно никого не обижало. Тем более что это были такие петарды, которые не могли причинить ничего, кроме легкого испуга, и этой цели они достигали сполна.

Когда толпа начала рассасываться, мы тоже решили направиться обратно в отель – предстоял ещё сравнительно долгий путь обратно. Ибо шли мы медленно, продолжая всех приветствовать словом «банано» и лобзая каждую понравившуюся и не очень понравившуюся встречную девушку или просто поздравляя остальных гуляющих другого пола и другого возраста. В тот момент мне стало ясно, насколько итальянцы действительно умеют искусно веселиться и наслаждаться жизнью.

Продолжение банкета

После Нового года стали приезжать новые туристы. Теперь это были канадцы и выходцы из Южной Африки. Канадцы оказались самыми приятными людьми из всех тех, с кем я до сих пор имел честь познакомиться. К тому же им было очень интересно узнать, что я этнический украинец. Один из них сказал, что у него мать – украинка, родившаяся уже в Канаде. Сам он не знал украинского. Но всем им было интересно то или иное слово именно на этом языке. В отличие, кстати, от американцев, которых интересовали исключительно русские слова. С канадцами я тоже, как и, впрочем, почти со всеми, обменялся адресами и телефонами. Они даже обещали мне помочь с трудоустройством в случае, если я к ним доберусь.

Южноафриканцы были совершенно иными, чем американцы, австралийцы или канадцы вместе взятые. Стилль их одежды походил на наш. Это выражалось, например, в ношении черных кожаных курток. Да и вид у них был, откровенно говоря, не очень доверительный. Они мне немного напоминали уголовников, ну или, по крайней мере, босяков со двора. На самом деле они все оказались довольно нормальными ребятами, просто такой вот внешний вид. Как-то я спросил их: «Почему среди вас нет ни одного чернокожего?» Они задумались над моим вопросом: «Действительно, среди нас нет чернокожих. Мы сами не знаем почему».

За две недели пребывания в Риме я успел познакомиться с огромным количеством людей, увидел все возможные достопримечательности, мог уже отличить хорошую пищу от плохой и взял за привычку завтракать кремовым круассаном с капучино. После двух недель делать уже было особо нечего, по достопримечательностям не ходил, с новобранцами общался реже. Мои денежные запасы заметно сморщились, и я всё чаще приходил днем в пустой отель и раздумывал о дальнейших действиях. За то, что прожил две недели в отеле, мне даже подали одну ночь бесплатно, но тут же попросили переехать в другой хостел того же филиала, на пару кварталов дальше, в связи с закрытием на ремонт. Мне переехать не стоило большого труда: взял сумку и был таков. В новом хостеле познакомился с хозяином-итальянцем. Он оказался очень отзывчивым, прислушался к моей проблеме и пообещал выяснить, как можно попросить убежище. Он также пообещал мне работу, но, как оказалось позже, это был необдуманный порыв любезности. Он даже иногда начал обходить меня стороной, и только когда мы уже сталкивались лбами, оправдывался, почему с работой ничего не получается. Но, по крайней мере, от него я узнал, как можно попросить убежище. Оказывается, убежище надо было просить в окружном суде города, по-итальянски Pretura. У него также удалось раздобыть адрес этого заведения.

Но я всё ещё не спешил. Во-первых, был убежден, что мне обязательно предоставят политическое убежище. Так как, по моему мнению, я имел полное на это право. Мне было трудно представить, что на Западе это может быть как-то иначе. То есть если человек – беженец по политическим мотивам, то ему дают убежище. А так как у меня было достаточно доказательств, или как минимум моя история была достаточно правдоподобной, то я в полной мере претендовал на получение убежища. Я думал дотянуть до конца и не боялся потратить все свои деньги, так как был уверен, что в то время, пока будет рассматриваться мое прошение, государство мне предоставит крышу над головой и питание. По этому поводу у хозяина гостиницы имелись свои сомнения, но я находил это совершенно логичным, и меня было не переубедить.

Православная церковь

Рядом с новым хостелом я обнаружил русскую православную церковь, которая, как оказалось, подчинялась Вселенскому Патриарху в Константинополе. На родине мое посещение церкви ограничивалось покупкой свечей, которые я тут же ставил тем или иным святым и коротко просил здоровья или благополучия для себя и близких. Ну и, конечно же, как и многие другие, посещал церковь на Пасху. Точнее, не саму церковь, а церковный двор, где все ждали, пока выйдет священник и освятит аппетитные дары, которые скорее уже хотелось отведать. Это было очень мучительно и скучно. Однажды я не выдержал вот так стоять и ждать на холоде и пошел «на разведку» в церковное помещение. Зашёл внутрь, и оказалось, что в церкви намного лучше. Там теплее, и народу почти не было. Так и простоял там, согревшись и помолившись за всех мерзнувших на улице. Было это в селе Лабушном Одесской области – соседнем с нашим селом с красноречивым названием Французское, которое, к сожалению, после Второй мировой войны коммунистами было переименовано в не очень благозвучное Лысогорка. Те же коммунисты разобрали нашу красивую древнюю церковь на стройматериалы. Несмотря на то что она вполне могла претендовать на памятник архитектуры, ведь создана была еще в XVIII веке. Но теперь, к сожалению, даже набросков от нее не осталось.

Обнаружил я русскую церковь по дороге от молодежного отеля до вокзала Термини. Тогда я уже лучше знал местность и перемещался в центре не по главным дорогам, как вначале, а уже по дворам и закоулкам. И наткнулся на православную церковь, которая, собственно, ничем себя не выдавала, кроме надписи над входом мелким шрифтом: «Русская православная церковь – Chiesa Orthodossa Russa». Меня уже мучила ностальгия: я долго ни с кем не общался по-русски, если не брать во внимание редкие звонки домой. Однажды так искренне обрадовался поляку, поселившемуся к нам в хостел, который немного знал русский. Но уже через несколько предложений стало ясно, что дальнейшая беседа не состоится ввиду ограниченного словарного запаса моего собеседника. А тут вдруг русская православная церковь!

Центральная дверь оказалась закрыта. Но рядом был забор, за которым просматривался небольшой дворик, и далее – ещё одна входная дверь в ничем не выделяющееся здание, выглядящее точно так же, как и здания по соседству. Я позвонил в звонок, и вскоре вышел православный священник. Мы поздоровались и познакомились. Его звали отец Георгий, он был из России. Внешне он напомнил мне императора Николая II. Оказался очень приятным человеком. Мы быстро перешли на философские темы. Так незаметно простояли возле забора около получаса. В ходе беседы он предложил мне зайти в храм, прийти на исповедь. Объяснил, что нужно делать в церкви, и главный смысл всей службы – евхаристию. Так и случилось, что в итоге отец Георгий оказался моим первым духовным отцом. Кроме него, настоятелем храма считался отец Михаил Осоргин. Он в итоге тоже был моим духовным настоятелем. В зависимости от того, кто принимал исповедь или вел службу. В церковь я стал захаживать регулярно – она очень быстро стала частью моей жизни. Там царил невероятная атмосфера. Церковь внутри была маленькая, вроде часовни, довольно темная, плотно увешанная иконами. Но каждая икона в ней благоухала, каждая свеча казалась живой, а каждый прихожанин был по-своему интересен. У всех незаурядная судьба, все – неординарные люди. Когда я пришел в своё первое воскресенье, сразу после службы священник пригласил всех присутствующих на общий обед. Он регулярно проводился после каждой службы по воскресеньям или праздничным дням в церковной кухне с террасой, находящейся в этом же здании, прямо над храмом. Многие из присутствующих приняли приглашение, в том числе и я. И оно стоило того!

Это был настоящий пир. И не только в отношении пищи, принимаемой вовнутрь. Но и пищи духовной в виде философско-религиозных бесед. В то же время все чувствовали себя вольными разговаривать о чем угодно, также и о насущных проблемах. Но дискуссии на мате-

реалистические темы составляли лишь малую толику бесед на религиозно-философскую тематику. Отец Михаил оказался священником с прекрасным чувством юмора. Очень светлым и добрым человеком. Через него впервые я окунулся в культуру дореволюционной России. Понимаешь, что это были люди совершенно другого уровня, другого сорта, а в некоторых случаях и с другой планеты. Можно лишь сожалеть об утраченной культуре, об утраченных ценностях. Иными словами, посещая церковь, я оказывался в другом мире, где царили гармония и согласие, спокойствие, доверчивость и любовь к ближнему. А жизнь за пределами храма продолжалась в прежнем режиме: в скучных ожиданиях, тревожных размышлениях и неуверенности при принятии решений. Пока ещё были какие-то деньги в кармане, не хотелось что-то менять. Иногда меня посещала даже мысль использовать свой обратный билет. Он, кроме пропускного на границе, оказался ещё и успокаивающим фактором, сохраняющим нервы.

Pretura

Однажды в один из таких дней я сидел, размышляя о делах грядущих, в каком-то кафе в центре города и пил капучино. Вдруг смотрю – цыганка ошивается вокруг меня. Я напрягся. Уже приходилось дело иметь с этими людьми в Одессе на центральном вокзале, когда меня чуть не облапошили среди белого дня при ничего не предпринимавшей милиции, которая на мои жесты о помощи лишь пожимала плечами. Целый табор цыган окружил меня, пытаясь загипнотизировать, заговорить зубы, протягивая свои длинные щупальца в виде человеческих рук и приближаясь ко мне, словно зомби на свежую жертву. Я начал ощущать чужие руки на своем теле в области карманов. С трудом вырвался от этих людей и из их рук. Из одного кармана всё же они стащили какую-то незначительную сумму. И теперь тут. Мне было трудно установить на тот момент, относилась эта цыганка к местным или приезжим, но выглядела она точно как у нас, разве что наряд был на ней несколько опрятнее и богаче. Женщина спросила, не хочу ли, чтобы она мне погадала. Я, конечно же, ответил отрицательно. Но она настаивала в своей привычной манере. И, несмотря на отказ, подошла ближе, присела рядом и попросила взглянуть на мою руку. Видя мои опасения, тут же сказала, что хочет за свои услуги немного денег, и назвала какую-то незначительную сумму. Меня это расслабило, и я протянул ей ладонь:

– Только не вздумай говорить плохое! – предупредил я.

Но она отреагировала спокойно:

– Ты не тот человек, у которого может быть что-то плохо... Ты приехал издалека!

Но не надо было быть гадалкой, чтобы это понять.

– Ты скоро уедешь отсюда.

У меня пронеслась мысль: «Как это уеду? Вообще-то я приехал, чтобы остаться».

– Уедешь, у тебя будет удачная дорога. Станешь богатым человеком. Тебя ждут большие деньги и удача! – заключила она. – Но ты обязательно уедешь отсюда!

Я отдал ей то, что просила. Был рад, что она не сказала ничего плохого, хотя мне вовсе не понравилось, что придется обязательно отсюда уехать. И куда уехать? Может быть, в конце концов попаду в Канаду? Странная эта цыганка. Я еще раз всё проверил: всё на месте, вроде ничего не пропало...

А пропасть было чему. В кармане оставалась критически малая сумма, которой хватало ещё на два-три дня проживания в относительном комфорте, а потом делай что хочешь, хоть лети домой. Это если на билет до миланского аэропорта хватит. В конце концов я решился действовать и пошёл в тот самый окружной суд, где надо было просить политическое убежище. Вход в здание оказался входом во двор, который вел к параллельному корпусу. С одной стороны находилась полиция, с другой – окружной суд. Когда я подошел к полицейскому и спросил, где тут можно попросить политическое убежище, он тут же встрепенулся, приказал следовать за ним. Ещё один полицейский вырос рядом и стал меня сопровождать, замыкая ряд. Они завели меня в здание, где находилась полиция, и попросили предъявить документы. Хитрость заключалась в том, что, если бы у меня отсутствовали документы или была просроченная виза, я бы тут же получил от них так называемую *Via* – требование покинуть страну в течение 10 дней, так и не успев попросить убежище. Безусловно, если человек всё равно хотел бы попросить убежище, он бы смог это сделать. Но многие люди об этом бы и не заподозрили, думая, что им отказано в их просьбе.

Полицейские проверили мой паспорт, спросили, где я пересек границу, и когда всё оказалось в порядке (виза у меня ещё не была просрочена), показали, куда надо обратиться за убежищем. Это была дверь соседнего здания. Надо было подняться на второй этаж. Там находилась женщина, которая проводила меня в отдельную комнату. Предварительно забрав паспорт,

дала мне чистые листки бумаги и ручку и попросила написать на родном языке суть проблемы. Она оставила меня одного и прикрыла дверь. На листе А4 я приблизительно объяснил суть своей проблемы. Ещё предложил дать ей свой готовый распечатанный лист на итальянском, но она его не приняла и сказала, что я должен написать на своем родном языке и от руки. Когда я, как мне показалось, всё написал и еще посидел немного, женщина вошла и спросила, готов ли я. Я кивнул и протянул ей листок со своей душераздирающей историей. Женщина посмотрела на меня с каким-то сожалением и скептически произнесла:

– Вы хотите получить политическое убежище и пришли просить его с действующим паспортом?

Меня очень удивил этот вопрос. Это было сказано неофициально, но мне стало совершенно ясно, что я сделал какую-то глупость. С другой стороны, я ведь рассказал правду, мне вовсе не нужно было ничего выдумывать! Документ этот всё равно годен ещё совсем короткое время. В Молдавии вышел указ о замене старых паспортов советского образца на новые молдавские, и мой паспорт автоматически становился непригодным через каких-то полгода. Чем я и парировал представительнице итальянского закона. На что она лишь пожала плечами. У меня сняли отпечатки пальцев, сделали фотографию и попросили подождать в коридоре. Я вышел. Там, в коридоре, уже собралось несколько человек. Я сел на подоконник между этажами. Напротив меня стояла пара – муж и жена. Я случайно услышал, что они переговаривались на молдавском диалекте. Мужчина пригляделся ко мне. «Говоришь по-русски?» – спросил он с выразительным молдавским акцентом. «Говорю». И у нас сразу завязался разговор. Откуда, чем занимаюсь, давно ли тут и так далее. Они очень обрадовались, что я из Кишинева, как-никак земляк. Спросили, где я питаюсь. Меня удивил их вопрос:

– Как где? В закусочных, пиццериях. А вы?

Мужчина улыбнулся.

– Ты ходишь и покупаешь еду в пиццериях? А откуда деньги? Что, закончились уже? Ну, всё ясно. После того как мы тут закончим, пойдешь с нами. Покажем тебе, где надо питаться!

Меня вызвали обратно, выдали новый документ под названием *Permesso di Soggiorno*, что переводится как разрешение на пребывание, и отпустили. На мой вопрос, а где же я сейчас буду жить, сказали: там, где до сих пор. Меня это повергло в шок. Получается, если мне бы не было сейчас куда идти, я бы ночевал на улице? На уточняющий вопрос мне объяснили, что мне полагается 1 миллион итальянских лир, которые я получу через месяц в случае, если буду где-то постоянно проживать. Я не совсем понял, что именно имелось в виду, и тут же вспомнил скептическую реакцию хозяина гостиницы, когда я утверждал, что меня обеспечат жильем и пособием. В этот момент в помещение ворвался молодой темнокожий мужчина, довольно упитанный, весь запыхавшийся. На лице следы от соли, наверное, морской.

– Я только вот приплыл в Италию на лодке! Я прошу политического убежища. У меня нет никаких документов, – пытался убедить всех присутствующих на английском языке этот молодой человек.

У меня он не вызывал доверия. Но у той самой женщины, которая намекнула мне о наличии паспорта, я не заметил ни тени сомнения. «Да он уже как минимум тут полгода проживает! Да неужели не видно, что это всё наиграно? Вот как нужно было, по её мнению, убедительно просить убежище?!» – возмущался я про себя. Понимая, что это, в конце концов, не мое дело, попрощался со всеми и вышел.

Потом ещё немного подождал молдавскую парочку, и мы направились на обед. Я никак не мог понять, что это будет за еда. И уже немного опасался, не ведут ли они меня куда-то, где я лишусь последних ста долларов, оставшихся с одной тысячи после моего почти месячного пребывания в Италии.

The Backside of The Moon²⁰

Мы приехали обратно в центр и вышли поблизости от Колизея. Потом, пройдя по расположенному рядом со знаменитой достопримечательностью парка, что находится на одном из семи холмов Рима и носит длинное название Parco Del Colle Oppio, вышли к месту, которое мне собирались показать. Я многое мог себе представить, но такого – никогда. За парком в ничем с виду не примечательном здании располагалась благотворительная столовая, где каждый день раздавали обеды. У меня попросили документ, и я вытащил свой свеженапечатанный «пермессо». Мне сообщили, что первый раз они пускают и так, но в следующий раз я должен принести с собой специальный пропуск. Мои данные, конечно же, проверили и убедились, что такой персоны у них в записном журнале нет. После этого занесли туда мои сведения. Пропуск выдавали по другому адресу, куда мне следовало явиться как можно быстрее, если я не хотел пропустить свой следующий обед. Меня одолевало скептическое настроение. Что это может быть за обед? И кто будет обедать рядом со мной? Я представлял себе тьму бездомных, неприятно пахнущих бродяг. А что насчет посуды? Как ее моют, и кто с нее ест? Но, вошедши внутрь, приятно удивился. Основной массой питающихся были мигранты, причем подавляющее большинство – выходцы из Румынии. Гораздо меньшая, но следующая по численности группа – выходцы из Польши, и совсем малая – из бывшего СССР. Совсем немного из Африки, в основном из Северной. Бездомных бродяг, по крайней мере в этот первый раз, я не увидел вообще.

Весь процесс выглядел следующим образом. Надо подойти к стойке, за которой молодые итальянки и итальянцы, по всей видимости, волонтеры, улыбаясь, накладывали в одноразовую посуду первое, что всегда было так называемой пастой – спагетти, ригатони, фузилли, пенне или лапша с соусом. Потом со своей порцией ты проходил вглубь столовой и выбирал свободные места. Мы сели за свободный столик втроем.

– Ну как, тебе нравится? – поинтересовались мои новые знакомые.

– Вкусно! Всё очень хорошо! Это же надо, сколько денег я мог сэкономить, если бы знал, что что-то подобное существует! – полушутя-полусерьезно ответил я.

Я всё съел с большим аппетитом и понял, что наелся. Но оказалось, что это ещё не всё! Мы съели только первое! На второе была картошка с мясом. После этого ещё и третье – десерт! В этот раз это были фрукты – банан и апельсин. Надо же такое! Я уже почти месяц находился в Италии, но еще ни разу не ел так обильно и разнообразно за один раз. И тем более с тремя переменами блюд. После обеда мы вышли на улицу, сытые и довольные. Когда мои коллеги-путешественники спросили меня ещё, где ночую, и узнали, что в отеле, то ахнули:

– Ты что! Если ты будешь жить в отеле, тебе не дадут пособие!

Они имели в виду то одноразовое пособие в сумме одного миллиона лир, но потом продолжили:

– Хотя, если честно, мало кто его получает. Они всегда находят отговорку. Но если хочешь иметь хоть маломальский шанс получить эти деньги, тебе надо идти в ночлежку. Очень хорошее место, но там можно остаться только на один месяц, не больше. А по истечении этого срока ты, возможно, успеешь получить пособие.

– И что это за ночлежка? – с неприкрытым ужасом недоумевал я.

– Нормальное место, недалеко от Термини. Вечером впускают, утром выпускают. Чистая постель, душ, ужин, завтрак. Что еще надо?

– И как мне туда попасть?

²⁰ Обратная сторона Луны.

И тогда они объяснили мне, что так просто туда не попадешь. Сначала нужно пойти в женский монастырь, расположенный сравнительно недалеко от того места, где мы находились. Сказать им, что негде ночевать и что уже три дня ночую в парке. Они тогда стандартно ответят, что мест сегодня нет и что нужно попробовать свою удачу завтра. Если повезет и они мне поверят, на третий день дадут записку. С ней я должен пойти вечером в ту ночлежку. Передать эту записку дежурному дедуле, и тогда меня примут. Мои посланные небом информанты уже прошли весь этот путь, или, по крайней мере, знали всё это от непосредственных участников. Сами они на тот момент жили в самострое в отдаленном районе города с ещё целой плеядой мигрантов, основная масса которых – румыны. Но среди их соседей также были братья-грузины, назвавшиеся чеченцами и получившие статус политических беженцев. А также итальянец-трансвестит, который после того, как сделал себе операцию и прилепил женскую грудь, был с позором изгнан из дома собственными родителями. Ну и, понятное дело, были там и несколько человек из Молдавии.

«Поехали к нам, всё тебе покажем!» Я согласился, всё равно заняться особо было нечем, за пропуском в бесплатную столовую решил поехать завтра с утра. По дороге зашел в женский монастырь, чтобы выпросить место в ночлежке. Мне открыла молодая монашка. Я объяснил ей, что жил до сих пор в молодежном отеле, но у меня кончились деньги и что начал питаться в столовой для малоимущих, а ночевать негде. Монашка мне посочувствовала, но сказала, что сегодня мест нет. Я начал было протестовать: «Как же так?!» Но она была неумолимой. Конечно, я знал, что так и будет, меня же предупредили. Просто хотел сделать вид, что ни о чем не знаю и срочно нуждаюсь в помощи. У меня в запасе было всего два-три дня, после которых я на самом деле окажусь на улице. В запасе была еще одна полагающаяся мне бесплатная ночь в хостеле за моё долгое непрерывное пребывание.

После женского монастыря я съездил в гости к своим новым знакомым и, честно говоря, был ошеломлен увиденным. Самострой образовался на месте заброшенной стройки недалеко от автомобильного моста, служащего развязкой. Построен был лишь каркас длиной метров 20–30 и высотой в три этажа, но потом по неизвестным причинам стройку остановили. Люди достроили себе практически весь первый этаж и частично второй – кто во что горазд. Кто-то раздобыл строительный камень или кирпич, кто-то просто установил доски. Прямо как в сказке про трёх поросят. У каждого была комната или даже две – кто как смог обустроиться. Что касается удобств, то их, конечно же, не было. В поле – на расстоянии двухминутного пешего хода – было сооружено что-то наподобие сельского туалета. Я не стал уточнять все детали и был рад, что за то короткое время, что я там пробыл, он мне не понадобился.

Побывал я в гостях и у ставших легендарными грузин – о них говорили все, ведь им удалось получить статус беженцев. Оказалось, что для этого им понадобился адвокат и что вся процедура тянулась очень долго – не менее года. Но то, что итог всех этих ожиданий – жизнь практически под мостом в самых жутких условиях, для меня был необъясним. И, откровенно говоря, я ужаснулся такой перспективе.

– Неужели вам не платят пособие? – Я всё ещё не верил, что так можно закончить в Италии.

– Платят, – неловко протянул один из них, – но очень мало, поэтому, чтобы жить нормально, мы экономим на жилье.

– Нет, я не ради этого приехал в Италию. Когда получу статус беженца, не буду так жить. Пойду учиться или работать. В крайнем случае выберу другую страну для проживания.

Грузины пожелали мне успехов. «Всё же надо постараться попасть в Канаду», – подумал я. И вспомнил про адрес, который мне ещё месяц назад предоставили в канадском посольстве. Решил на следующий же день заехать туда. Я попрощался со своими новыми знакомыми и, за исключением ещё одного раза, больше в этот самострой не возвращался. С молдавской пароч-

кой, от которой узнал столько полезной информации, я тоже больше не общался, разве что здоровались, когда видели друг друга, и справлялись о текущих делах.

Оказалось, что офисы, где нужно было получить пропуск для столовой и подать документы для иммиграции в Канаду, были совсем рядом. Вначале я посетил офис по вопросам иммиграции. Там работала очень вежливая женщина в возрасте. Она поговорила со мной по душам и дала мне формуляр на английском для заполнения. После небольшого собеседования и раскрытия моей проблемы в стране, откуда я прибыл, она согласилась принять мое заявление. Существовало три возможности. Первая – признание меня беженцем. Но для этого нужно было иметь железные аргументы, например, приехать из страны с актуальным военным конфликтом. Вторая – иммиграция в Канаду через своих родственников, которые уже там. И третья – поиск людей, готовых профинансировать поездку и первое время пребывания в Канаде. Она объяснила, что мне придется появиться еще раз, чтобы узнать, возможно ли для меня найти спонсоров, так как первые два варианта в моем случае отпадают.

Процедура выглядела таким образом, что если у меня принимают документы, то это не гарантирует выезда из Италии в Канаду, но шансы остаются очень высокими. Мне ищут спонсоров в Канаде, обязательно нескольких. Они должны быть не только спонсорами, но и моими гарантами. Так как процесс поиска так называемых спонсоров длился долго, то мне объяснили, что не стоит рассчитывать на ответ раньше, чем через год. Для меня это был огромный срок. А вдруг я не буду иметь право больше находиться легально в Италии? Ведь через две недели мне обещали интервью, а потом месяц-полтора – и окончательный ответ, который, судя по рассказам уже многих, кого я успел за это короткое время встретить, вряд ли будет положительным. Да и представить себе, что придется ждать целый год, было невыносимо. Но, с другой стороны, это было что-то, другого выхода все равно нет. Ждать так ждать.

Потом я пошел получать пропуск. Пришлось, правда, немного постоять в очереди. Мне дали формуляр, я отошел в сторону и сел за столик, чтобы его заполнить. В очереди заметил совершенно седого худощавого мужчину с паспортом СССР. Он был небольшого роста, напоминал немного моего квартиросъемщика Ашота. У этого был еще сломанный нос, как это распространено у боксеров. «Ещё один земляк», – промелькнула мысль. Я подумал, что он какой-то попрошайка: выглядел довольно несчастно, а из-за сломанного носа – ещё и немного угрожающе, не очень хотелось с ним знакомиться. Пока я заполнял свой формуляр, он тоже дошел до приемного окошка и получил свой. После чего направился к моему столику, где я всё ещё расшифровывал бесконечные вопросы: кто я, что я и с чем меня едят?

– Вы говорите по-русски? – неожиданно спросил незнакомец.

«Ну вот, – подумал я, – контакта избежать не удалось».

– Да.

– А вы откуда? – продолжал свои расспросы уже немолодой дядька.

– Я из Украины, но жил долгое время в Кишиневе.

– О, как интересно! – как-то очень жизнерадостно воскликнул мой неугомонный земляк.

Ну и пошло-поехало. Я понял, что знакомства мне уже не избежать, постарался не напрягаться и поддержать беседу. Моего нового знакомого звали Борисом, родом он был из Петербурга, но ещё в конце 80-х уехал в Израиль вместе с женой, с которой там же и развелся. Жена была еврейка, а он русский. Он успел ещё до развода получить израильский паспорт, но что-то там не сложилось, и решил провести старушку Европу. Он прилетел в Италию уже около полугода назад и через какое-то время оказался без средств. Перебивался непостоянными заработками, ночевал в ночлежках, даже иногда на улице, питался в основном при католических церквях. А тут недавно узнал про бесплатную столовую – и вот он тут. В данный момент он ночевал в ночлежке, что находилась прямо рядом с центральным железнодорожным вокзалом Термини. Человеком он оказался ненавязчивым и интересным, так что все мои предрассудки по поводу него, возникшие вначале, испарились так же быстро, как и появились. Его мечта

теперь – вернуться обратно в Израиль. «В прекрасный родной Израиль». Только денег на это не хватало. А заработать так, чтобы сразу всё не потратить, трудно. Слишком редки были заработки. В израильском посольстве ему не отказывались чем-то помочь, но этой суммы было недостаточно, и Борис решил действовать самостоятельно.

Как оказалось, он каждый день ходит на так называемый «депозит», что находился рядом с каким-то складом. Так называлось место, где несколько десятков человек стояли в ожидании работы, пока не останавливалась рядом какая-то машина, которую желающие поработать сразу окружали со всех сторон. Каждый надеялся получить вакансию. Чаще машины тормозили немного поодаль от толпы, и водитель или пассажир рядом выкрикивали, есть ли специалисты, допустим, имеющие навыки работы с отбойным молотком, сварщики или строители. Тогда редкий человек поднимал руку, его приглашали в машину и увозили. Но чаще искали просто либо кого-то покрепче, либо того, кто быстрее садился в автомобиль, потому что водители не любили там долго стоять. Ведь напротив этой нелегальной трудовой биржи располагалось здание карабинеров. На этом «депозите» Борис находился обычно приблизительно с семи до одиннадцати утра. Дольше этого времени там оставаться смысла практически не имело. Кроме того, нужно было ещё успеть на обед. Желающих подзаработать приходило много, в основном румыны, люди довольно непривередливые. Поэтому бороться с конкуренцией было сложно... Некоторые соглашались работать за половину той суммы, что предлагали обычно, и это сильно сбивало цену. А за половину обычной ставки работать смысла не имело. Это четверть нормальной зарплаты итальянца. И если труд тяжел, то надо ведь еще и хорошенько пообедать, в итоге оставались гроши. Хорошо, если имелась возможность пообедать бесплатно, но обычно это не получалось, ведь Рим – огромный город, и редко кто работал поблизости от благотворительной столовой.

Борис узнал совершенно недавно о существовании такой столовой, и, вне сомнений, она стала для него реальным спасением. Побыв ещё немного в этой конторе и получив свои пропуски, мы отправились на бесплатный обед. По дороге я заскочил в женский монастырь, ведь надо было отметить для ночлежки. К моему удивлению, монашка, узнав меня, попросила подождать за дверью. Вскоре вышла с запиской, которую попросила передать заведующему ночлежкой, объяснила, как туда добраться, и сказала подойти ровно в назначенное время. Потому что если дверь закроется, то я останусь на улице. «Потом уже вас никто не пустит», – предупредила Христова невеста. Я понял, что сегодня предстоит переезд из отеля. Окрыленный быстрым и неожиданным успехом, я вместе с Борисом продолжил путь в спасительную столовую. Там, как всегда, было всего много и вкусно. Из столовой я просто выкатился, как и в прошлый раз. Мне ещё предстоял насыщенный день, было грустно осознавать, что моя эра беззаботного путешествия закончена и что наступают будни, в которых нужно действовать. Только от моих личных действий будет зависеть моя дальнейшая судьба. Ну и совсем чуть-чуть от удачи.

La Casa

К вечеру, в назначенное время я со спортивно-дорожной сумкой был возле ночлежки. Перед этим попрощался с сотрудниками молодежного отеля, где провел в общей сложности около месяца (включая двухнедельное пребывание в другом филиале отеля). К ночлежке пешком было идти всего минут десять. Она располагалась в полуподвальном помещении на первом этаже недалеко от Термини. Возле двери в ожидании уже стояли временные постояльцы (таким образом я убедился, что не ошибся адресом). Большая половина из них были румыны. Также марокканец, алжирец, один молодой сицилиец и ещё пара-другая представителей иных национальных меньшинств. Всего максимум два десятка человек. Наш ночлег был скромным, но уютным. Каждому новоприбывшему полагались чистая постель, полотенце, другие принадлежности. Всё почти как в отеле. Кровати двухъярусные. Также были там, конечно, и все элементарные удобства современной цивилизации. Я оглянулся и вздохнул с облегчением: теперь мне тут предстоит жить один месяц, и это залог того, что получу одноразовую помощь в количестве 1 миллиона лир. Там было несколько душевых, но не все сразу спешили принять душ, поэтому столпотворения и толкучек не было. Нам выдали скромный ужин в виде сэндвича, йогурта, сока и ещё какой-то мелочи. Соблюдающим Рамадан дали более обильный паек, так чтобы они могли наесться на день вперед.

Я познакомился с некоторыми своими соседями, был там один молодой марокканец, который учился в Москве и прекрасно говорил по-русски. Правда, просклонять слово «потолок» в дательном падеже ему всё-таки правильно не удалось. Всё началось с того, что он начал высмеивать русский язык из-за его легкости. Также я пообщался с сицилийцем, был удивлен, что тот оказался в таких условиях. Но он сказал: у него на малой родине нет работы, приехал сюда в её поисках, но пока ничего постоянного не смог найти. Основная же масса румын работала, и это было заметно сразу: общая усталость, запачканная одежда или даже робы. Они часто первыми шли в душ. Потом что-то ели и сразу ложились спать, и это при включенном свете. Ребята очень трудолюбивые. Готовы были работать за копейки, чем значительно сбивали общую стоимость чернорабочего. Были и случаи обмана со стороны работодателей. Оставляли работать на себя месяц и больше, а потом даже маленькие зарплаты не хотели выплачивать.

Коммунистическая партия Италии оказывала живую поддержку в борьбе с такими явлениями. Один раз я был свидетелем того, как они помогли одному румыну вернуть свои деньги, заработанные за три месяца по-черному. Хозяин только и отделывался обещаниями. Тогда обманутый румын пошел к коммунистам, офис которых, кстати, находился недалеко от вокзала Термини, и попросил помочь. Они ему сказали, что он должен выбить из хозяина подписку о том, что тот обязуется выплатить положенную зарплату и тем самым признать, что должен деньги. Хозяин-итальянец, видимо, надеялся, что сможет таким образом надолго избавиться от нудного румына, и подписал бумажку. Тут его и настигла беспощадная Фемида, которая обязала его не только выплатить по долгам, но ещё и отдать огромный штраф за то, что нанимал чернорабочих. Наверное, не многим так повезло, иначе бы случаев обмана в итоге было гораздо меньше. Итальянские коммунисты занимались благотворительностью, трудоустройством, распределением жилья для бездомных и нуждающихся и многим другим. Иными словами, никакого сравнения с коммунистами советскими.

В этой ночлежке я познакомился и подружился с некоторыми ребятами, которые показывали и рассказывали интересные вещи. Например, где можно ещё поесть бесплатно, где проводить время, пока закрыта ночлежка. Насколько я помню, арабы, будь то марокканцы или алжирцы, меньше всего работали. Их будто всё устраивало. Может, они занимались чем-то другим. Но они очень любили проводить время в центре для беженцев (а туда пускали только тех, кто имел статус просящего убежище или беженца) при англиканской церкви. В итоге моё расписание

стало выглядеть приблизительно следующим образом: рано утром в 6 часов – подъем. Причём поднимали нас как в армии: наш смотритель включал очень яркий свет и громко выкрикивал: «Buon Giorno!»²¹ В первый раз я опешил от этого. Сердце просто в пятки выскочило. Потом привык.

После душа и завтрака, который состоял из кофе с молоком и какой-то булочки или панеттоне, нас «выгоняли» на улицу, никто не мог остаться в ночлежке. Хорошо, что хоть свои вещи можно было там оставить. Но для нас, тех, кто жаждал работать, это только лучше – дополнительная мотивация идти на «депозит» и ждать в надежде, что, может, сегодня повезет и перепадет какой-то заработок. В случае если везло, появлялась работа на один день или на несколько вперед. Если работы не было, что случалось чаще, после одиннадцати приходили в английскую церковь, в распоряжении которой было большое помещение, использовавшееся в качестве центра для беженцев, где мы общались, играли в настольный теннис, смотрели огромный телевизор или учили английский. Это место спасало, ведь занятий хватало. Скитаться по улице – очень плохая альтернатива. Потом на обед, потом снова в центр и опять в ночлежку.

Дни проходили быстро. Как-то раз я увидел полицейского, проверяющего у «деда» списки жильцов. «Надеюсь, меня там проверили?» Это был залог получения одноразовой помощи. Я слышал от многих, что правительство Италии старалось, где это возможно, деньги не выдавать. Затягивали с выплатой, искали разные поводы, в конце концов дожидались, когда просящим убежище отказывали и, соответственно, забирали документ, подтверждающий этот статус, и тогда, если не было другого действительного документа, банк отказывался выплачивать помощь. Опасаясь такого исхода, я однажды, обойдя охрану, зашел в какое-то министерство. Надоумил меня туда пойти один тип из бывшего СССР, создававший впечатление умного человека. Охрана меня вроде и видела, но, может, подумала, что я принадлежу какой-то группе посетителей, заходивших в то же самое время. Может, их смутил мой уверенный шаг, и они ничего не спросили. В любом случае я прошел внутрь, выяснил уже там, где находится ответственное лицо, и попал, можно сказать, к нему на прием. Зашел в его кабинет без особых церемоний и, глядя на его испуганное лицо и лицо растерянной секретарши, стоявшей рядом с ним, без смущения спросил:

– Когда я получу свои деньги?!

Чиновник ошалел. Он даже не понял, о каких деньгах идет речь. Не исключая, судя по его виду, что он подумал, что я пришел его ограбить. В конце концов он выдал из себя встречный вопрос:

– А как вы сюда попали?

В этот момент я понял, что не имел права заходить внутрь и что олухи-охранники меня проворонили. Тут же заскочил ещё один человек из охраны и предложил пройти с ним. Пока мы направлялись к выходу, он попросил показать, кто стоял у входа, когда я заходил в помещение. Я не стал выдавать ему хороших людей и сказал, что не помню. Мы подошли к первым попавшимся. Он начал их спрашивать, как так случилось, что я смог пройти мимо них. Они недоумевали. Короче, я понял, что попал сюда случайно, приема граждан тут не практиковали и что пособия у меня после этого похода точно не прибавится.

²¹ Доброе утро!

Deposit

По истечении месяца мне уже нужно было переходить на другое место. Это время неминуемо приближалось. Я начал привыкать к новому образу жизни, зарабатывать удавалось немного, но ощущался определенный ритм жизни, который прибавлял энергии и оптимизма. Чаще всего это были разовые подработки: когда на стройке подсобным рабочим, когда в саду, когда просто помогал с переездом. За день платили не больше 80 тысяч лир.

Однажды, когда я стоял на бирже немного в стороне от толпы, возле меня остановился небольшой грузовичок. Водитель спросил, согласен ли я на легкую подработку, но за 45 тысяч лир в день. Я подумал, торговаться времени не было, вот-вот подбежит толпа, и точно кто-то найдется даже за меньшее количество денег. Я согласился и правильно сделал. Оказалось, работа заключалась в том, чтобы помогать уже не молодому дядечке развозить напитки по ресторанам. Надо было выгружать из грузовика и потом подвозить на тележке минеральную воду или баллончики с пивом или газировкой. Благодаря этой работе, на которой продержался две недели, я смог осмотреть все окрестности Рима. Мы объездили центральные и для меня совершенно новые и незнакомые закоулки Рима. Забирались за город, в поселки, лежащие очень высоко в горах, добираться до которых нужно было по крутым серпантинам. Однажды мы побывали в отдаленной деревушке на вершине горы, где жизнь протекала, казалось, будто ещё в середине XX века. Глядя на поселение снизу, никогда бы не подумал, что туда можно забраться на автомобиле. В основном там все ходили пешком, иногда встречались лошадиные повозки. Мне вспоминается мгновение, в которое мне показалось, что попал в прошлое – во времена Муссолини. Именно так я представлял себе эти времена: вокруг темно-зеленая растительность, ни одного признака современной цивилизации, природа погружена в себя. Как никогда ощущалась относительность времени. На скамеечке сидело несколько пенсионеров, эмоционально, но негромко общающихся на политические темы. Итальянская идиллия!

К ресторану, в который мы привезли напитки, нужно было добираться очень долго пешком. Как я уже отметил, на машинах в этом поселке никто не ездил. Там, собственно, и не было так много автомобильных дорог. Пришлось прилично поднапрячься, поднимаясь и опускаясь по крутым холмикам и узким тропинкам. Но это того стоило – ресторан произвел на меня сногшибательное впечатление! Он был построен прямо на отвесе скалы. Окна в центральном зале с камином выходили прямо на сторону этой скалы. Так что с тех столиков, что располагались возле этого окна, открывался потрясающий вид: казалось, ты сидишь на краю пропасти. Незабываемый опыт! Но и в самом Риме мы ездили по всевозможным закоулкам, где я до этого ещё не успел побывать. Кроме того, было интересно столкнуться с римской культурой общения. У моего работодателя было множество знакомых. Как они друг друга приветствовали, как шутили, какую использовали жестикуляцию!

Если охарактеризовать кратко, хоть работа и была малооплачиваемой, но времяпровождение – очень увлекательным и познавательным. Такая себе экскурсия с альтернативным гидом, за которую тебе ещё и платили. Положительным в этой работе было ещё и то, что старичок отвозил меня почти всегда в столовую на бесплатный обед. Это сокращало мои расходы и более-менее компенсировало низкую зарплату. По истечении двух недель работодатель рассчитался со мной и попрощался. Оказалось, он взял меня лишь временно, пока не вернулся из отпуска его верный сотрудник из Румынии. Как-то я увидел в городе этот грузовичок, а с ним и моего бывшего работодателя с его помощником. Тот был значительно крупнее меня и наверняка гораздо более позитивно настроенным к физическому труду. А моя подработка закончилась, и мне пришлось заново день ото дня убеждать в том, что лучше иметь хоть какую-то работу, чем находиться в ее поисках.

Между делом я переехал в другую ночлежку. И если сравнивать эти две ночлежки с магазинами, то новый «Джумбо-супермаркет» не шел ни в какое сравнение с предыдущим «бутиком». Это была массовая ночлежка. Там действительно встречались самые настоящие лица без определенного места жительства, но с определенным душком. Хотя таких было очень мало. И я счастлив, что ни с одним не пришлось соседствовать на огромной площади, где находилась спальня, то есть место, где ночевали временные жители. Там было очень мало двухъярусных кроватей, они располагались только вдоль одной стены, в основном низкие одноярусные, и все спали в одном зале. Сравнимо с тем, как спят в школьном спортзале при эвакуации населения. Но только этот «школьный спортзал» был раза в два-три больше. За каждым закреплена своя кровать с чистой постелью, полотенцем, принадлежностями и прочим, как и в предыдущей ночлежке. Там также была небольшая библиотека, где я обнаружил книгу на русском языке – рассказ какого-то советского диссидента о его непростой судьбе, обо всех подробностях ГУЛАГа и ужасах советской системы. Это был не Солженицын, а какой-то менее известный автор. Книга произвела на меня огромное впечатление. Человеческий мозг даже не способен придумать те кошмары, с какими сталкивались заключенные в Советском Союзе. Так что мои временные трудности в сравнении с этим были просто одним сплошным наслаждением, и я ещё раз убедился, что всё познается в сравнении.

Intervista

Когда был ещё в первой ночлежке, мне наш дедушка-хозяин передал письмо, где было сказано явиться на интервью касательно моей просьбы о предоставлении политического убежища приблизительно через неделю, в определенное место и время. Место это было неблизкое, пришлось добираться на нескольких видах транспорта, в том числе на непредсказуемом автобусе, который приезжал, когда ему заблагорассудится. Несмотря на то что в расписании стояло, допустим, «каждые 15 минут», они чаще всего превращались и в полчаса. Он ещё мог и просто пролететь мимо и остановиться не на самой остановке, а где-то поодаль. Разумеется, все возмущались, а кто-то, несмотря ни на что, бежал к нему, надеясь успеть. И тут следом приезжал очередной автобус, не такой полный, останавливаясь уже прямо на остановке. И некоторые из тех, кто побежал к первому, возвращались к вновь прибывшему. А во время поездки в этом автобусе к месту проведения интервью я стал очевидцем скандала между одной итальянкой «за 60» и эритрейской беженкой «за 20». Вторая не уступила место первой, что оказалось достаточным поводом поскандальить и повесить на эритрейку, как неоспоримую представительницу и наглядный образец эмигрантов и беженцев в Италии, всех собак, в том числе и «понаехали тут, да ещё и места занимают». Но и эритрейка не растерялась. Преподнесла итальянцам очень громким голосом уроки истории и напомнила им, что если бы итальянцы не колонизировали её страну в своё время, то её согражданам бы сейчас не пришлось искать счастья по всему миру. «А раз случилось как случилось, то будьте добры, оплачивайте ошибки своих предков и считайтесь с нами». Ехавший в автобусе народ не желал раскачивать и без того напряженную обстановку и молчал, а накал страстей, пока я доехал до своей остановки, несколько спал.

Когда я пришёл по адресу, то был удивлён. Несмотря на то что в приглашении было указано конкретное время, когда я должен явиться, в коридоре выстроилась огромная очередь и меня попросили ждать в приемной. Среди ожидающих в основном были выходцы из Африки. Мне долго пришлось ждать, пока вызовут. Приблизительно часа три. За это время я успел понять, кто будет моей переводчицей, она тоже, кстати, ждала всё это время, когда её вызовут. В конце концов у неё не хватило терпения, и она начала требовать, чтобы интервью прошло немедленно, в противном случае ей придётся уйти, потому что у неё другая встреча. Её попросили внутрь. Спустя какое-то время она вышла и вызвала меня. Я зашёл внутрь, увидел странную картину: вокруг в открытом просторном помещении была как минимум дюжина столиков, и за каждым проводилось интервью. В помещении стоял гул. Царила атмосфера суеты и какой-то несерьёзности. Переводчица заняла место за одним из столов, за которым сидел средних лет мужчина в костюме, и предложила мне место напротив, по другую сторону стола. У переводчицы было ограничено время, и она всё время торопила мужчину, как вербально, так и с помощью мимики и движений тела, чем ещё больше накаляла суетливую атмосферу. Не знакомый с моей темой сотрудник, впервые взявший в руки лист, на котором была изложена моя ситуация, переведенная с оригинала на итальянский, стал при мне бегло его читать, бубня себе под нос.

– Ясно... – спустя полминуты сказал он. – Один вопрос. Если вы не можете получить паспорт в связи с вашей ситуацией, как вы всё-таки приехали с паспортом?

Вопрос я уже понял, не дожидаясь перевода, поэтому, пока моя переводчица переводила, успел немного обдумать ответ.

– Но ведь я получил этот паспорт раньше, когда ещё мог его получить. Вопрос в том, что не смогу больше получить новый, а у этого скоро заканчивается срок действия, – отвечал я на русском.

Переводчица торопливо перевела, в целом правильно и достоверно. Сотрудник кивнул и сказал, что ему всё ясно, вопросов больше нет. Переводчица буквально сорвалась с места,

быстро попрощалась и убежала. Я тоже попрощался с этим вежливым, но суетливым мужчиной и покинул помещение. В душе оставалось странное чувство. Другие сидели по полчаса и больше, а меня «обработали» всего за парочку минут. Ответ обещали дать в течение двух месяцев.

Новые знакомые

Однажды, как обычно, пришел в бесплатную столовую поесть и встретил своих уже старых знакомых из Молдавии. Ту самую парочку, что показала мне все прелести параллельного Рима. Они находились в компании одного на вид угрюмого и недоверчивого парня и представили нас. Звали парня Василий. Немного выше меня, коренастый, неулыбчивый. Он был тоже из Молдавии, но не из Кишинева, а с периферии. Нравы и культура тех людей несколько отличались от столичных. Люди прямолинейные, в целом спокойные, хоть иногда и вспыльчивые. Относящиеся к русскоязычным из Молдавии с некоторым непониманием. Находясь в совершенно другой среде, чем в столице, им трудно было понять, что Кишинев – это не просто другой город или регион, а другая страна, с преобладанием немолдавской культуры, и поэтому невозможно было в столице выучить государственный язык. На периферии же всё наоборот – там русским языком владели плохо.

Однако благодаря службе в Советской армии Василий знал русский язык довольно хорошо, замечался лишь легкий акцент. Парень был постарше меня, около тридцати лет, но выглядел лет на пять моложе. На щеках – следы от перенесенной в детстве ветряной оспы. Хмурый взгляд, неторопливые движения тела, напоминающие ленивца. Оказалось, на тот момент он жил в моей первой ночлежке и собирался переходить в следующую, где уже ночевал я. Приехал в Италию сравнительно недавно и тоже попросил политическое убежище. Был он, конечно, благодаря связям с соотечественниками информирован более меня по приезде. Но и я ему смог рассказать о чем-то новеньком, например, про центр для беженцев при англиканской церкви. Впоследствии я подружился с этим парнем. Мы стали ездить на трудовую биржу и часто вместе возвращались в центр для беженцев, где в основном играли в настольный теннис. Он меня, в свою очередь, познакомил со своими земляками Валерой и Ваней, которые были то ли друзьями, то ли братьями или какими-то родственниками. Оба высокие, Ваня несколько худощав и моложе. И хоть они не были внешне очень похожи друг на друга, но всё равно почему-то казалось, что они родственники. Оба темноволосые, томноокие, с одинаковой усмешкой на одну сторону. По прошествии некоторого времени мы все оказались в той самой Джумбо-ночлежке. Все понимали, что рано или поздно надо будет уходить, особенно мне, потому что срок уже поджимал – больше двух месяцев редко кому удавалось там прожить. Для администрации нужны были очень убедительные аргументы для этого, и мы их предоставить не могли.

Поэтому однажды мы все дружно пошли к коммунистам, офис которых находился совсем рядом с нашим нынешним местом временного проживания. Там нашим куратором была назначена одна молодая рыжеволосая девушка: открытая, жизнерадостная, дружелюбная, с невероятным запасом энтузиазма и желанием помочь. Она безо всяких бюрократических проволочек и проверок, с полным доверием и пониманием отнеслась к тому, что мы нуждаемся в новом месте жительства, и уже буквально на следующей встрече радостно сообщила, что у нас будет жилье! Так как нас было четверо, то ей удалось довольно легко найти для нас комнату в одной квартире, которая снималась специально и исключительно для беженцев. Необходимым условием было легальное нахождение в Италии, то бишь действующий вид на жительство.

Квартира находилась рядом с Термини, тоже в центре, прямо на площади Витторио Эмануэле, напротив парка. По его периметру росли высоченные пальмы, которые навсегда остались запечатленными в моей памяти. Их листья на вершине были немного бледными, а четверть из них – вовсе высохшими. В этом парке также действовал строгий запрет ходить по газону или находиться на нем. Трава в Риме – для красоты, ее мять нельзя. Стоило только попробовать встать на траву, как тут же из ниоткуда появлялась группа карабинеров, которые мило, но уверенно просили перебраться на асфальт. Квартира, куда мы переехали буквально

за считанные дни после того, как переступили порог офиса коммунистической партии, превзошла все наши ожидания!

Во-первых, месторасположение – в центре, совсем рядом с базарчиком, где все продукты в несколько раз дешевле, чем в прилегающих к вокзалу Термини супермаркетах. Бананы, которые слегка начинали чернеть, можно было просто забирать бесплатно. Но и зрелые обходились ненамного дороже, чем бесплатные. Помидоры, цитрусовые, большие зеленые оливки, рыба, сыр, вяленое мясо – всё было в изобилии! Единственное, чего нам не хватало, это хорошего вкусного хлеба (хлеб в Риме продавался только белый и только с сухой коркой). Во-вторых, сама квартира была огромной! Точно даже не помню, сколько там было комнат, так как ни разу не обошёл всю квартиру. Наша – приблизительно 20 квадратных метров – располагалась прямо у выхода. Чуть правее находилась общая кухня, а ещё немного дальше – ванная и туалет. Нас проживало четверо в комнате. В каждом углу по кровати. Места было предостаточно, так что мы друг другу практически не мешали. За обитателями этой жилплощади присматривал итальянский студент, которому приходилось жить с нами. Но у него была отдельная комната для одного человека. По всей видимости, он, кроме жилья, ещё получал какую-то зарплату. Звали его Мануэле, внешне он мне очень сильно напоминал Квентина Тарантино. Был довольно забавным. Бывало, сидим в комнате, а тут чья-то ладонь ныряет в проём открытой двери. Потом полностью рука, нос и постепенно вся голова: «Ciao ragazzi, andiamo a caccia!»²²

Мне было интересно с ним общаться с целью интеграции и лучшего понимания местного населения. Мы, бывало, выходили вместе погулять на улице, он хотел, чтобы я для него знакомился с девушками. Правда, ничего путного из этого не выходило. Мы общались ещё на разные философские темы. Но эта относительная дружба не давала нам никаких поблажек. Из квартиры нужно было уходить самое позднее к десяти утра. Если только не наша очередь дежурить, т. е. убирать квартиру. Убирать свою комнату, кухню и ванную, что были в общем пользовании. Тогда можно было уйти и ближе к обеду. Но потом, к пяти-шести вечера, можно было возвращаться. То есть тем самым мотивировали чем-то заняться.

С нами жили, в отличие от других мест, в основном индусы и пакистанцы. В этой квартире разрешалось проживать до трёх месяцев. Кому-то удавалось и больше, но надо было иметь хорошие аргументы или железные нервы, как у одного из индусов, «проживавших» с нами. Он безо всяких аргументов, но точно с хорошими нервами, просто внаглую решил остаться в квартире. Никто не мог его выгнать. Он ещё долго, после того как мы уже заселились, лежал в коридоре на кровати, оказывая таким образом своего рода мирное сопротивление. Я всего один раз видел, когда он с нее поднялся. Он постоянно там лежал. И его никто не мог оттуда прогнать. Даже днем в виде исключения оставался. Просто как мебель. Но даже самые терпеливые когда-то теряют терпение. И через две недели после нашего заселения (а поговаривали, что этот человек так уже чуть ли не три месяца «живет») его силой выставили на улицу. Просто вынесли вместе с кроватью. Он так и пролежал ещё какое-то время на улице, но к вечеру его уже там не было. И в нашей квартире воцарилась более спокойная атмосфера, то есть снялось напряжение и восстановился порядок.

Как-то мои соседи по комнате познакомили меня ещё с одним парнем из Молдавии. Он был из той же деревни, что и Валера с Ваней, звали его Гена. Ментально, однако, он больше напоминал мне жителя Кишинева. И, как оказалось, он жил в Кишиневе одно время. Парень был тоже высоким и чернявым, добродушным, постоянно улыбался, чем и выдавал запущенное состояние своих почерневших зубов, пораженных кариесом. Жил он где-то в городе с ещё несколькими румынами на съемной квартире. В отличие от нас, он чаще работал, хоть и тоже не постоянно. Но, живя в Риме уже достаточно долго, знал разных работодателей, у которых периодически появлялась работа. Поэтому у него была определенная денежная стабильность.

²² Привет, ребята! Пойдём на охоту!

Мы стали часто видеться, он навещал нас или же мы выходили куда-нибудь в город. В этом случае обычная программа – это пиво с крупными «малосольными» ярко-зелеными оливками, которые продавались на развес за прилавком прямо на выходе из супермаркета.

В центре для беженцев при англосакской церкви я также познакомился с одним таджиком. Он был очень маленького роста, как говорится, метр с кепкой, а если точно, метр пятьдесят. Звали его Джав. Он был очень отзывчивым и добрым человеком. Очень дисциплинированным. По утрам бегал по 15 километров. Любил марафоны. Как-то даже участвовал в Римском забеге. Но, видимо, ввиду отсутствия надлежащих документов ему разрешили бежать только половину пути. И победил тогда, как всегда, какой-то эфиоп, [Moges Taye](#). А мог ведь и Джав... Я тогда верил, что он был способен если не на победу, то по крайней мере на достойное место. Кстати, причины побега из Таджикистана были идентичные моим – уклонение от армии. Но в отличие от моих проблем в его стране всё было намного напряженнее и опаснее: во-первых, местные исламисты, во-вторых, граница с Афганистаном. Шансы у него удачно выйти из положения на родине были гораздо меньшими. Мы с ним как-то быстро нашли общий язык и подружились. После неудачных ожиданий на бирже труда совместно направлялись в центр для беженцев, где основное время проводили за игрой в настольный теннис.

Оказалось, что у таджиков и курдов очень похожи языки. Общались они без особых проблем. Таким образом, география общения расширялась. Хотя по большому счёту разные языки не являлись преградой для общения: практически все знали итальянский или английский. Но знакомства через друзей были, есть и будут гораздо эффективнее. В центре для беженцев преподавали английский. Готовили к выезду из Италии. Я редко встречал какого-то беженца, который собирался оставаться в этой стране. Все собирались ехать дальше. Мечта номер один – Канада, реальная цель номер один – Англия. Потом следовали Голландия и Германия. Причем Голландия казалась более привлекательной. Я и Джав тоже как-то решили совместно продолжить наше путешествие, искать счастья в другой стране. На кону оказалось три страны на выбор – Англия, Голландия и Швейцария. Последняя была самая загадочная и не часто обсуждаемая среди беженцев.

Единственное, что я раз услышал, так это то, что беженцы в Швейцарии живут как вареники в масле. Один камерунец на полном серьезе утверждал, что после того, как ты приезжаешь в Швейцарию, тебя поселяют в пятизвездочный отель до рассмотрения твоего дела. Но отказывают почти всем, разве только если ты не приехал из страны, где идет война. Непонятна была также ситуация с языком. На каком языке говорят в Швейцарии? Ходили слухи, что это какой-то свой язык, который невозможно выучить. Таким образом они отличают своих от чужих. И всё же Швейцария имела одно большое преимущество – реалистичность попадания в эту страну.

Канада оставалась мечтой номер один практически для всех, с кем бы я ни общался. Но попасть туда было почти нереально. Я всё ещё стоял в очереди в конторе, которая организовывала эмиграцию в Канаду, но не был уверен, что смогу дождаться когда-нибудь этого счастливого дня. Кроме того, хоть надежда и тлела, но шансы, что ожидаемый вскоре ответ от итальянского правительства окажется положительным, стремились к нулю. И тогда мне придется покинуть пределы страны и я не смогу дождаться счастливой повестки о разрешении уехать на постоянное место жительства в Канаду. Так что решение надо было принимать уже сейчас. Как-то с Джавом мы кинули жребий, куда же предстоит наш дальнейший путь. Решение после многодневного анализа принималось между двумя странами: Швейцария или Англия. Жребий выпал на Швейцарию. Мы переглянулись... Потом скептически скривились и решили, что нет, мы всё же поедem в Англию...

Незадолго до получения решения от итальянских властей, которое я должен был забрать из окружного суда, вышел закон, позволяющий остаться нелегальным и относительно легальным мигрантам типа нас. Для этого нужно в течение ограниченного времени найти работо-

дателя, который бы гарантировал принятие иностранца на работу. После чего правительство выдавало вид на жительство на два года. Это был реальный шанс. Подобные амнистии проходили в Италии не раз. Однажды уже такое было, и один мой знакомый из православной церкви рассказывал об этом. Когда-то он тоже жил на птичьих правах в качестве просящего убежище и ночевал где попало. В основном в поездном депо, в стоящих поездах. Как-то раз проводилась облава карабинеров, и всех, кто ночевал в ту ночь в депо, арестовали и привезли в участок. С ним были люди разных национальностей, и из этой группы ни у кого не имелось вида на жительство. Его выдали всем в штемпельном режиме с правом работы на два года. Когда дошла очередь до моего знакомого, то выяснилось, что у него уже есть вид на жительство. И неважно, что он был никчемным и срок его действия истекал через пару месяцев. Вот же кусал он себе потом локти, что показал этот документ!

Мне тоже не особо повезло с этой амнистией. Найти работодателя, который бы за меня поручился, я не мог, как ни старался. Постоянная работа была очень редким явлением. И даже итальянцы считали себя очень счастливыми, если находили постоянное место. Появиться в обществе в грязной робе строителя или маляра было престижно: у тебя есть работа, а значит, ты счастливчик, у которого ещё и водятся какие-то деньги. Джав в каком-то смысле тоже оказался в этой компании. Он нашел себе работодателя. Поработал у кого-то садовником, и вдруг ему сделали предложение: жить в маленьком садовом домике и охранять территорию загородного дома. Заодно и наводил порядок в саду. Зарплата была очень низкой. Итальянец мог заработать столько за 2–3 дня, а Джаву для этого нужен был целый месяц. Но зато он жил и питался бесплатно. Даже одежду ему какую-то бесплатно привозили. Но самое главное – он получил вид на жительство на два года и теперь был свободным человеком. Относительно свободным.

Видеться мы стали очень редко. Его отпускали на выходные, и то не на каждые. Должен заметить, что телефонами, тем более мобильными, мы не пользовались, и поэтому местом встречи был всегда центр для беженцев при англисакской церкви. Целью Джава теперь стало скопить за два-три месяца какие-то деньги и отправиться в Англию. С его видом на жительство можно было сделать это без особых преград. И этот день наступил: он купил билет, успел попрощаться с нами и отправился в Англию. После этого я больше ничего о нём не слышал.

Негативное решение

Как я уже упоминал, в определенный срок мне нужно было забрать решение итальянских властей о моем прошении об убежище. Когда пришел в претуру, то бишь окружной суд, меня уже ждало решение, за него я, получив его в руки, расписался. В решении, которое бегло прочитал, было написано, что в предоставлении убежища мне отказано, а причина отказа в том, что я сам себе противоречу. Утверждаю, что не могу получить паспорт, тем не менее паспорт у меня есть, и с ним я даже приехал. Слово в слово то, что было на так называемом интервью. Я ожидал отказа, но представить себе не мог, что его причины будут настолько примитивны и безрассудны и что протесты, которые высказал на интервью, совершенно не примут во внимание. Меня сопроводили в здание полиции, находящееся напротив, и, ещё раз проверив паспорт, который мне теперь возвратили, выписали бумажку под названием *Via*, где было написано, что я обязуюсь покинуть территорию Италии в течение десяти дней. Другими словами, через десять дней я становился нелегалом.

По большому счету, меня никто ни разу не проверял за всё время пребывания в Италии. Но опасность проверки всё же существовала. При всём том, что в своих широтах я выглядел скорее южанином из-за темного цвета волос, в Италии до такового явно не дотягивал. А если ты не выглядишь как местный, то у тебя всегда есть шансы попасться. Вдобавок ко всему, я успел наслушаться страшилок от разных людей. Например, один индус из нашей квартиры утверждал, что уже успел отсидеть в тюрьме из-за нелегального пребывания и что там жизнь – далеко не сахар. Бывают и унижения, и избиения, и даже сексуальные домогательства, вплоть до изнасилования. Что в итальянских тюрьмах правит закон джунглей, и лучше бы любым способом их избежать. Кроме того, он утверждал, что итальянские полицейские очень скрупулезные и бессердечные и могут засадить в тюрьму совершенно невинного человека, навесив на него всех собак (особенно если он нелегальный эмигрант, которого и так никто не будет искать), только ради того, чтобы закрыть дело. В общем, напугали меня изрядно, и я не хотел это просто так оставлять, решил что-то обязательно предпринять.

Я пробежался по благотворительным адвокатским конторам, но, судя по всему, они брались исключительно за избранные страны. Моя в этом списке не числилась. Все говорили одно и то же: «У вас мало шансов». И это несмотря на то что причина отказа была просто смешная, хоть мне было не до смеха. Если бы я нашел кого-то, кто написал жалобу на это решение, то без особых проблем мог бы ещё совершенно легально остаться в Италии как минимум года на три, а то и пять. Единственное, мне было непонятно, на каких правах. Слышал, что по истечении определенного срока мне бы и так выдали нормальный вид на жительство. Но главная задача была остаться как можно дольше легально в стране, чтобы спокойно дожидаться возможности выезда в Канаду. А этот отказ и дальнейшая невозможность найти юридическую поддержку подталкивали меня к тому, чтобы я выезжал из страны. Вопрос лишь – куда?

Поймав меня на чемоданном настроении (и, кстати сказать, Василий тоже ожидал в скором времени ответ, понятно какой), Гена рассказал историю своих приключений во Франции. Пообщавшись с румынами, а они были большие мастера путешествий по Европе, научился у них ездить без билета и документов. Надо было отыскать нужный поезд в депо, зайти туда, соответственно, за пару часов до его отправления. Найти и открыть специальным ключом люк в одном из тамбуров и таким образом, в крыше поезда, доехать практически до любого города в Европе.

Сам он, пользуясь этим знанием, оказался во Франции. Попав туда, хотел найти офис приема в Иностраннный легион. Завидев ротозея, один полицейский попросил Гену показать паспорт, но, узнав, что тот ищет Иностраннный легион, очень любезно объяснил ему, как туда добраться, не упоминая более ни про какой паспорт. Офис для приема оказался в Обане, неда-

леко от Марселя, попал он туда уже на скоростном поезде из Парижа, куда приехал по-черному. Его приняли с распростертыми объятиями, и там он прошел проверку. Если не ошибаюсь, пробыл там одну или две недели. В конце концов ему отказали. Он не прошел медкомиссию. Сказали, когда сделаешь зубы, с удовольствием примем. Так он снова оказался в Риме, тем же путем. Очень красочно рассказывал о легионе, повеяло романтикой. Немного настораживало, что тренировали всегда до края возможного, например, могли утопить в бассейне, чтобы потом снова вернуть к жизни. Таскали по больницам и знакомили с покалеченными солдатами или в аэропорт, где давали возможность увидеть, как прибывают гробы из разных стран. В общем, делали всё, чтобы ты был абсолютно уверен, на что идешь, и не передумал в последний момент, когда уже потратили кучу денег на твою подготовку. Заодно проверяли, насколько ты готов ко всему, насколько крепки твои нервы и насколько тебе нечего больше в этой жизни терять.

Я и Василий очень загорелись этой идеей. Во-первых, мне хотелось побыть в настоящей армии да ещё и получить хорошую тренировку и школу жизни. Во-вторых, после пятилетнего контракта скапливались кое-какие деньги на счету и выдавался постоянный вид на жительство во Франции. Василий уже служил в армии, и он тоже видел свои плюсы. Смущало лишь, конечно, оказаться в какой-то точке этой планеты просто пушечным мясом. Погибнуть на учениях или тренировках, в пасти удава или от крохотной ядовитой лягушки где-то в латиноамериканских джунглях. Еще смущало то, что в течение определенного времени нельзя контактировать с родиной. Но привлекающих моментов было больше. И мы не на шутку начали обдумывать нашу поездку во Францию. В мыслях я даже смирился с тем, что буду изучать мой не самый любимый язык. Звучит он, конечно, красиво, но как эту красоту произносить самому? Мне казался он слишком сложным.

В течение последующих двух-трех недель мы продолжали планировать и собирать информацию о легионе. Всё начинало выглядеть серьезно, мы готовы были «идти в бой», так сказать, в прямом и переносном смысле. Но в какой-то момент негативная информация начала превалировать над позитивной. Мы чаще стали слышать негативные отзывы. Становилось жутковато, когда представлял себе, чем на самом деле могут закончиться эти приключения. И в то же время вдруг всё чаще стали сталкиваться, причем независимо друг от друга, с отзывами о Швейцарии. Много позитивных и интересных рассказов. Вспомнился мне и тот фантастический пейзаж в кишиневском турбюро.

Немаловажную роль в принятии решения сыграла надвигающаяся жара. Уже в конце апреля – начале мая становилось просто жарко. В Марселе или в любом ином уголке земного шара, где обычно находились легионеры, как правило, тоже было жарко. Я просто думал, насколько это некомфортно. Василий служил в Африке и в принципе знал, что такое жара, может быть, его это не сильно беспокоило. Однако я постепенно, но решительно начал отходить от феерического желания стать легионером и стал чаще задумываться: действительно ли это хорошая затея? Однозначно было одно: нужно уезжать! И в один прекрасный день, когда идея посвящения своей жизни каким-то сомнительным военным приключениям стала заметно угасать, я вспомнил тот самый жребий, который кидал с Джавом. И это воспоминание поймало меня на крючок: я вдруг осознал, что хочу ехать в Швейцарию. Василия долго упрашивать не пришлось.

Подготовка к поездке

Василий в конце концов тоже получил негативный ответ от итальянских властей. Я, правда, так ни разу и не спросил его, почему он бежал или что сказал итальянским властям. Но что бы там ни было, ответ и вся процедура рассмотрения дела были не менее фарсовыми, чем у меня. Наши коллеги по общежитию скоро собирались возвращаться на родину, т. е. комната освобождалась. А долго пустовать она бы не стала, и жить с кем-то чужим не очень хотелось. С нас не спрашивали документы, но рано или поздно могли, и тогда сразу бы выставили за дверь, как того индуса. Стало понятно, что скоро надо уезжать и нам. Мы получили наши положенные за месяц деньги от государства, и не знаю, каким чудом это удалось сделать. Далеко не каждый получал эти деньги. Итальянские власти создавали много ухищрений, чтобы не заплатить пособия. И как только я получил свой миллион лир, обменял его на тысячу американских долларов и отдал Ване с Валерой. Вместе со своим заграничным паспортом. С надеждой, что они, проезжая мимо Кишинева, заедут и передадут это моим родителям-опекунам. Но, к большому сожалению, этого не случилось. Где-то, видимо, искушение всё же преодолело, и они «ушли на дно». Благодаря Гене, который знал, где они живут, я отправил к ним своих близких, которые нашли их, и те как ни в чём не бывало передали всё как положено. Оправдывались тем, что ждали удобного случая, пока поедут в Кишинев. Надеюсь, что так оно и было. А тем временем мы продолжали ходить на «депозит», на нашу привычную биржу. Должен признаться, что долго там стоять было нельзя. Потому что мимо проезжало несметное число машин, и такое количество выхлопных газов приносило большой вред здоровью. Часто после трех-четырех-часового стояния на краю дороги весь последующий день не прекращалась головная боль.

Василий неожиданно нашел себе подработку, мне везло меньше. Но однажды стоял рано утром один на «депозите». Потом вижу – мне украдчиво так машет Борис на другой стороне дороги, как раз там, где расположен офис карабинеров: мол, иди сюда. Я махнул рукой! Какой смысл? Там никто не остановится. Но он, смотрю, весь очень серьезный и взволнованный немного. Ладно, думаю, раз так настойчиво зовет, подойду. Приблизился, и он меня тут же упрекнул, что не подхожу сразу, когда зовёт. Оказывается, к нему подошли ребята, они первый раз на этой бирже и очень не хотели подъезжать к толпе. Поэтому стали на другой стороне и решили понаблюдать. Тут проходил мимо Борис, они, судя по его виду, догадались, что он тоже, должно быть, на бирже стоит, и спросили, не ищет ли тот случайно подработку. Потом объяснили, что им нужны двое на две недели. А тут вдруг Борис увидел меня. Вот так мы и попали на работу.

Сперва нам обещали мало денег. Но потом, видимо, мы им понравились, да и самих совесть заела, решили платить нам по 90 тысяч в день. Это в два раза меньше, чем итальянцам, но, с другой стороны, почти в два раза больше, чем получало большинство румын на тот момент. Работа в каком-то смысле интересная. Коллектив очень дружный. Наша задача была подготовить к ремонту шикарную квартиру с видом на Колизей. Полностью разобрать пол, стены и занести материал для проведения капитального ремонта. Квартира располагалась на седьмом этаже. Нам было строго запрещено пользоваться лифтом для грузовых перевозок. Ну, выносить мешки с отходами не так тяжело, а вот поднимать мешки с цементом по 25 кг на седьмой этаж не очень приятное занятие. Так наши коллеги-итальянцы, пока никто не видел, застилали лифт бумагой и тряпками, потом загружали его мешками с цементом или другим тяжелым материалом и таким образом перевозили. После чего убирали все улики из лифта и сидели в квартире, жгли анекдоты столько времени, сколько бы заняло, если бы мы носили эти мешки пешком. Ну, плюс-минус, разумеется.

Наши коллеги мне нравились с каждым днем всё больше. С ними время не замечалось, хоть труд и был физически тяжелым. Мне больше припоминается общение с ними, чем сама

работа. Как-то пришлось потаскать несколько 25-килограммовых мешков с цементом на седьмой этаж. Вот это запомнилось. Однажды, общаясь с нашим начальником, рассказал ему про свои планы уехать в Швейцарию. Тот оценил жизнь в этой стране, он был там. Сказал, что живут они, конечно, прекрасно, но швейцарцы – мудаки, «Anche svizzeri italiani sono stronzi»²³. Меня это немного смутило, но из-за этого я не собирался отказываться от своих планов. Просто мнение человека, даже если оно звучало очень правдоподобно.

В конце концов, после оговоренного срока, с нами рассчитались и отпустили восвояси. Борис был чрезвычайно доволен результатом. Теперь у него было достаточно денег, чтобы добраться до Бари, а оттуда на корабле – до Израиля. Мы распрощались и больше уже никогда не виделись. А вскоре подошел и мой черед покидать пределы этой прекрасной солнечной страны.

²³ В том числе и итальянские швейцарцы – мудаки.

Vaffanculo Italia!

В назначенный день мы собрались, практически со всеми попрощались, в том числе и с нашим наблюдателем-студентом Мануэле. А перед этим встретились с Геной и забрали у него ключ от люка в тамбуре. К сожалению, он не мог нас лично проводить в намеченный день, но показал за несколько дней до поездки, где находится депо, как зайти на его территорию (туда надо было перелезть через небольшой забор), где стоит нужный поезд и как попасть на его чердак. Важное условие – одеться в одежду, которую не жалко, потому что она сильно испачкается, взять с собой мешок с чистой одеждой, в нее нужно будет переодеться по прибытии. Ну и, наверное, самое главное – по две ПЭТ-бутылки: одну полную, с питьевой водой, другую пустую. Одну для питья, а другую, соответственно, на случай нужды. Больше ничего особенного не было нужно. Понятно и очевидно лишь, что после прибытия в конечный пункт назначения не стоило сразу выходить из своего убежища, дабы не напугать народ и не привлечь полицейских. Нужно было дождаться, пока поезд последует дальше в депо, где и выйти.

Наконец наступил этот долгожданный волнующий вечер, и мы отправились в путь. Когда прибыли в депо, нам нетрудно было отыскать нужный поезд. Хотелось попасть в Цюрих, но на вагонах также было написано Базель. Мы зашли туда, где стояло «Цюрих». Вокруг – никого, но мы каждый раз оглядывались по сторонам: вдруг внезапно появятся люди или сторож. Зашли в тамбур, попробовали ключ туда-сюда, люк открылся и... опа, всё пространство занято бочонком, по всей вероятности, для воды. Мы в следующий тамбур, а там на чердаке электростанция – провода, электрика, туда уж точно лучше не соваться. Мы в следующий тамбур – там снова бак с водой. Так прошли несколько вагонов и не нашли ни одного свободного чердака: в каждом либо бак с водой, либо электростанция. Нас начала охватывать паника. Как же так? Ведь ещё пару дней назад с нашим экскурсоводом Геной всё было в порядке – первый же люк вел в пустой чердак! Василий начал терять самообладание и заметно нервничать.

– Слушай, давай ляжем под сиденья, поедem в купе первого класса!

Я не мог поверить, что у него рождаются столь безрассудные идеи.

– Я никуда не поеду, лучше тогда уже в Молдавию обратно!

Василий не сдавался:

– Что ты несёшь, какая Молдавия?! Всё, решено, едем со мной, я ложусь под сиденье, и ты тоже!

Я не поддавался никаким уговорам – это было просто безумие! Василий начинал очень сильно нервничать и даже впадать в отчаяние.

– Слушай, мы едем сейчас! Ты никуда не уйдёшь, а то я начищу тебе репу!

Он произнес это, стараясь выглядеть очень правдоподобным. Не воспринимая его слова особо серьезно, я лишь подумал, что парня явно понесло не в те степи. Посмотрел ему уверенно в глаза и, держа себя в руках, спокойным тоном предложил прямо сейчас лечь под сиденья. Он сразу лег. На это было невозможно смотреть без смеха! Как я ни старался, но не увидеть, что там кто-то лежит, было нереально! Но я сдерживался, чтобы у человека окончательно не «сорвало крышу».

– О'кей, всё понятно, теперь лягу я, и ты сам посмотришь!

Я лёг, Василий начал настаивать, чтобы мне плотнее прижаться к стене, я прижался, насколько мог.

– Нас не заметят, никто не будет присматриваться! – теперь уже не так уверенно произнес Василий. Я уловил момент неуверенности и заявил, что мы сейчас уходим отсюда и вернемся в следующий раз.

– Ещё раз поговорим с Геной, если надо будет. Но сейчас мы никуда не поедem, потому что у нас ещё и сумки, которые никуда девать!

У нас у каждого было по спортивной сумке, и так просто мы бы не смогли их провезти, если бы решились ехать под сиденьем в купе. И, кстати, сумки. А как быть с сумками пассажиров? Вдруг кто-то бы захотел поместить свой багаж под сиденьем? Не знаю, в каком отчаянном состоянии надо было находиться, чтобы в голову пришла такая нелепая идея. Совершенно недовольный и понурый, Василий согласился уходить. Теперь я понял, что имею дело с не совсем уравновешенной личностью, но решил не обращать на это особого внимания. «В этот раз нервный срыв сойдёт ему с рук», – подумал я.

Позже стало ясно: в этой истории его больше всего смущало, что теперь мы будем выглядеть глупо в глазах тех, с кем успели попрощаться. Это, конечно, так и выглядело. Прощаться и снова вернуться как ни в чем не бывало – приходилось перед некоторыми оправдываться. Но это было гораздо меньшим злом, чем рисковать так, чтобы не иметь практически никаких шансов на удачный исход. Ближе к вечеру мы вернулись в квартиру (из которой ещё официально не съехали) и, оставив там свои вещи, пошли к нашей старой ночлежке в надежде встретить каких-то знакомых, в особенности Гену. К вечеру перед входом на свежем воздухе собиралось много людей, ожидая своей очереди перед запуском внутрь. Тут вдруг один знакомый румын подошел ко мне и спросил, не хочу ли я пообщаться с украинцем. Я, конечно же, согласился, и тогда он познакомил меня с молодым парнем, который оказался румыном из украинского села, или, точнее, этническим украинцем из румынских Карпат.

Первое, что тот меня спросил на украинском языке, говорю ли я «по-руськи». Я не совсем понял, что он имеет в виду. Оказалось, под «руським» он имеет в виду украинский. И тот язык, на котором они в селе и в семье разговаривают, они называют руським. После этого случая я заинтересовался этим вопросом, и оказалось, что украинский язык ещё в начале XX века обозначался в некоторых регионах и некоторыми странами как русский или русинский. А тогда мне показалось, что эти румынские украинцы спутали определения. Этот парень рассказал, что Румыния в последнее время ведет активную политику румынизации и что молодежь начинает постепенно забывать родной язык, а с ним и свою культуру и происхождение.

Когда я снова вернулся к Василию, который был занят общением с кем-то ещё, к нам подошли двое молодых загорелых ребят, активно ищущих среди присутствующих русскоязычных. Им кто-то показал на нас. Мы познакомились. Один оказался литовцем по имени Гедиминас. Второй – русским, откуда-то из российской глубинки, его звали Олег. Гедиминас был блондином, ростом выше среднего, достаточно крепкого телосложения. Олег – шатен, приблизительно такого же роста, как его коллега, но в сравнении с ним – худощавый. Только вот прибыли из Марселя. Случай привел их в Рим, но цель была уехать куда-то в северном направлении. Мы рассказали им, что тут оказались случайно и что на самом деле уже должны быть в пути в Швейцарию. Гедиминас слушал нас с большим интересом. Он сказал, что не уверен насчет Швейцарии, но про такой необычный способ передвижения слышит впервые и им надо обязательно воспользоваться. Мы договорились, что завтра вечером встретимся тут в назначенное время и пойдем вместе в депо. На этом и расстались.

Возвратившись домой, к счастью, не застали нашего студента, а то пришлось бы, как и перед другими знакомыми, оправдываться. На следующий день мы таки с ним увиделись, сказали, что передумали уезжать. Я ещё зашёл в нашу православную церковь, попросил благословения у отца Михаила (Осоргина). Он спросил, куда я собрался. Я объяснил ситуацию. Когда он услышал, что я собрался в Швейцарию, спросил: «Соскучились по горам?» Я знал, что в Швейцарии есть горы, но не представлял себе, что она на две трети состоит из них. Это было интересной новостью. И оказалось, что отец Михаил даже проживал как-то в Швейцарии, в кантоне Аппенцель. Он меня стал уверять, что в Италии лучше. В целом не совсем одобрил мою идею, связанную с таким риском, и даже сказал в своём стиле, что не может на такое благословить. Но в конце нашей беседы всё же благословил меня, предупредив, чтобы был осторожен.

В назначенное время, ближе к вечеру, мы пришли к нашей старой ночлежке, новые знакомые, Гедиминас и Олег, уже ждали нас. В этот раз мы ни с кем не прощались. Более того, я даже оставил свою спортивную сумку с вещами, хотя среди них было много полезных и нужных, в том числе моя куртка из Турции. Всё, что я взял с собой, это дополнительную чистую одежду: одни джинсы и две рубашки – с коротким и длинным рукавом. Кроме этого, свою тетрадку со стихами, некоторые письма, кассетный плеер фирмы «Сони», который приобрёл, ещё будучи в Москве, мыльницу-фотоаппарат «Fujifilm». Ну и, как было настоятельно рекомендовано, пустую и полную бутылки. Василий тоже не взял лишних вещей, так что у нас было с собой лишь по пластиковому пакету с самыми необходимыми вещами. Для чердака мы предусмотрели спортивные костюмы, в которые собирались переодеться перед тем, как залезть наверх, и выкинуть их по прибытии на место. Ведь, как нам рассказывали, на чердаке было полно саж и пыли, так что вся одежда становилась просто чёрной. Ещё с собой у нас было по 100 швейцарских франков, которые мы разменяли в обменнике. Когда увидел новенькие стильные двадцатифранковые купюры, мне интуитивно показалось, что Швейцария должна быть замечательной страной.

На дворе был конец мая 1996 года. Погода стояла очень солнечная и уже достаточно жаркая. Всё усиливающаяся жара последней недели мне уже начала порядком надоедать. Представляя, что будет дальше, я был рад, что уезжаю из этого пекла. Не говоря уже про растительность, которая перестала так радовать глаз, как раньше. За это время я понял, что пальмы должны быть там, где летний отпуск, но всё время жить с ними уже не приносило столько удовольствия. Добравшись до депо, мы, как и в прошлый раз, довольно быстро обнаружили нужный поезд. Он был снова поделен на две части: одна половина с вагонами с надписью «Базель», другая – «Цюрих». Мы пошли туда, где был «Цюрих». Зашли в первый попавшийся вагон. Я уже был готов к тому, что мы снова начнем долго искать нужный чердак.

К нашему величайшему изумлению и облегчению, первый же чердак оказался совершенно пустым: ни электростанции, ни баков с водой. То что надо! Мы ещё раз внимательно заглянули в темную пустоту: точно там ничего нет? Ребята помогли нам залезть внутрь. Оказавшись наверху, мы с ними попрощались, и они закрыли нас, оставив ключ себе. Если бы мы были одни, могли закрыться изнутри и сами, – конструкция замка позволяла это. Но с помощниками удобнее. Места было достаточно для двоих, если находиться в сидячем или лежащем положении. Посреди люка была небольшая решетка, позволяющая следить за происходящим в тамбуре, хоть и с ограниченным полем видимости. В то же время косые пластины решетки не позволяли что-либо увидеть внутри чердака из тамбура. Мы ещё раз переспросили, не видно ли нас снаружи. Как наши сопровождающие ни всматривались, не смогли нас увидеть и снова открыли люк, чтобы ещё раз попрощаться. Ребятам идея понравилась, и они спонтанно решили, что тоже поедут таким образом, может, даже в Швейцарию, но не раньше, чем через 2 недели. Им хотелось побыть ещё неделю-другую в Риме.

Мы остались одни и начали осматриваться. Сидели по разные стороны люка. Я оказался сначала на правой стороне по направлению движения поезда в сторону римского вокзала и, соответственно, на левой, когда поезд поедет в место назначения. Над нами простиралась дугообразная крыша поезда, а по бокам с обеих сторон – пустое пространство, так как крыша огибала стенки вагона, а не соединялась с ними вплотную, и заканчивалась, соответственно, не сразу на уровне стенки, а сантиметров на 40–50 ниже. Что гарантировало поступление свежего воздуха с улицы. Был ли страх? Наверное, был. Но желание уехать и тяга к новым приключениям преобладали многократно. Я старался не представлять себе трудностей или неприятностей. Ведь всё могло произойти. Проводники могли проверить чердак, потом пограничники или таможенники, причем как одной, так и другой страны. Шанс попасться был немаленьким. Но об этом мы старались не говорить и, более того, даже не думать.

Поезд тронулся. Медленно, раскачиваясь вперед-назад и из стороны в сторону, мы направились к вокзалу Термини. Потом, по прибытии, видели, как заходили пассажиры, слышали шум, ощущали суматоху. Мы тихонько сидели и ждали, когда всё наконец успокоится. И вот суeta прекратилась, все вроде уселись и успокоились, проводник закрыл дверь поезда, и мы с облегчением вздохнули. С надеждой, радостью и хорошей порцией адреналина начали путь в неизвестную, загадочную Швейцарию. Когда поезд, покидая римский вокзал, начал набирать скорость, мы, не сговариваясь, вытянули каждый средние пальцы обеих рук и, широко улыбаясь, произнесли: «Vaffanculo Italia!» Но, безусловно, в этом жесте была не Италия, а те минимальные перспективы в этой стране, те трудности, которые свалились на нас, и та безнадежная жизнь, что нас там ожидала. Сама Италия произвела на меня неизгладимые положительные впечатления. Мне никогда не забыть богатую природу Рима, хоровое пение самых невероятных и разнообразных видов птиц, особую атмосферу города, незабываемые памятники архитектуры, жизнерадостность и беспечность местных жителей, прекрасных людей, с которыми я имел честь познакомиться. Хотя в этом знаке было даже не прощание с итальянскими трудностями и бесперспективностью, а скорее надежда на то, что где-то там всё будет гораздо лучше.

Путь

Поезд набирал всё большую скорость. Ехать было достаточно комфортно, учитывая, что это бесплатно, да ещё и без документов. У меня оставалось приписное свидетельство, у Василия – удостоверение водителя. В этот раз никаких паспортов. Историю о том, как мы попали в Швейцарию, мы обговаривали несколько раз и тщательно её подготовили. Вплоть до того, что нашли расписание поездов из Кишинёва в Бухарест и из Бухареста в Цюрих, точно по числам, чтобы рассказать потом, что мы якобы ехали прямо из Молдавии. И это, хочу напомнить, при полном отсутствии интернета. Причина была в том, что не хотелось рассказывать, что нам уже отказали в убежище в Италии, дабы не вызывать лишний повод для очередного отказа. Кроме того, мы не были уверены, что нас не вышлют обратно в Италию. В пути старались не разговаривать – слишком осторожничали, хоть и было достаточно шумно от стука колес, доносящегося к нам с потоками воздуха, попадающего внутрь из отверстия между крышей и стенкой поезда. С наступлением сумерек начало холодать, а когда совсем стемнело, стало очень холодно. Несмотря на это, я часто засыпал. Василию, по его словам, тоже удавалось поспать. Поезд делал остановки, потом снова трогался. В наш тамбур иногда выходили курить. Были даже и очень шумные компании. Но ближе к полуночи всё стихло. Это позволило нам расслабиться и сравнительно крепко заснуть. Глубокой ночью, а точнее, ближе к утру мы проснулись. Во-первых, от остановки поезда, во-вторых, от необычного шума на улице. Вдруг поняли, что находимся на границе со Швейцарией. Раздавались какие-то возгласы, постукивания по колесам поезда. Вдали мы слышали лай собаки. Шум приближался к нам. Вдруг в тамбуре прямо перед нами увидели пограничника. Он с кем-то беседовал, но мы не видели с кем. На всякий случай прижались ближе к крыше поезда и подальше от решетки в люке. Пограничник ещё долго стоял, становилось страшновато. Я думал лишь об одном, одно лишь желание было у меня на тот момент – чтобы он побыстрее ушел отсюда. Потом он наконец-то исчез из поля зрения.

Всё время, пока стоял поезд, между нами царило гробовое молчание. Мы были очень серьезными и напряженными. Сколько это продлилось, трудно определить. Время для нас в тот момент просто остановилось. Вдруг поезд резко дернулся – мы снова тронулись в путь. Кажется, пронесло! Уверенность в этом нарастала пропорционально увеличению скорости поезда. В конце концов, мы понеслись очень быстро, ветер всё сильнее обдувал наш чердак – воздух становился еще более прохладным, но теперь мы знали наверняка, что самое опасное позади, и большой камень напряжения и страха упал с наших плеч. Позже, уже во время движения поезда, мы видели еще людей в форме, проходящих через тамбур в соседний вагон. Один из них глянул вверх, через нашу решетку, будто заметив что-то, но продолжил свой путь дальше, не останавливаясь.

Глава 5

Май 1996 г. – июль 1997 г.

Hände Hoch!

Наступило утро. Наш поезд сделал ещё несколько остановок, и, судя по времени, мы приближались к конечной цели. И эта цель была наконец достигнута. Поезд значительно замедлил ход вплоть до полной остановки, и было слышно, как на немецком языке делают объявления. На какой-то миг мне вспомнились фильмы про Вторую мировую войну, и представилось, что я в том времени, где-то в тылу врага. Мои знания немецкого были очень ограничены. Я мог считать до десяти, сказать «Hände hoch!» и «Achtung, Feuer!»²⁴ Это то, что выучил от бабушки или из фильмов про войну. Судя по выражению лица Василия, расплывающегося в наигранной скептической усмешке, он испытывал похожие чувства. Очень хотелось выйти, все части тела затекли, хотелось поскорее выпрямиться, переодеться, что-то съесть, в конце концов! Даже когда все пассажиры вышли, поезд всё ещё продолжал стоять, и мы изнемогли от ожидания. Но рано или поздно это должно было случиться (хотя, откровенно говоря, нам уже начинало казаться, что этого не случится никогда): поезд поехал в депо!

Было странно, что в Риме мы заходили в середину поезда, прибыв же в Цюрих, оказались в крайнем вагоне. Видимо, состав разъединили где-то ещё до Цюриха. Мало того, что наш вагон был крайним, он ещё был первым, как будто ведущим вагоном. В тамбуре стоял железнодорожник, и мы слышали, как он разговаривал с кем-то по радиации. То, что мы слышали, было ужасным! Это уже не был тот более-менее привычный немецкий, на котором делали объявления на вокзале. Это была речь, которую я вообще не мог отнести к какому-либо мне известному языку. Что это? Василий скривился точно так же, как и я. Мы, конечно, догадались, что это местный диалект, но не представляли себе, что он будет таким неблагозвучным для наших ушей.

По прибытии в депо, как только ушел рабочий, появился проводник. Он постоянно маячил туда-сюда, и мы никак не решались выйти. Вдруг он зашел в вагон и не показывался уже пару минут. Всё, пора! Мы открыли люк и вышли на свой страх и риск. Через стекло двери в вагон никого не было видно. Мы начали быстро переодеваться. И вдруг показался проводник! Ещё пару секунд, он развернется в нашу сторону и увидит нас! И он развернулся... и увидел! Так как мы непрерывно следили за ним в тот момент, а время для нас тогда, можно сказать, остановилось, смогли наблюдать за изменением выражения его лица как бы в замедленной съемке. Мы ещё были в самом разгаре переодевания. Поэтому, как только он нас увидел, мы стали торопиться, насколько это возможно. Мне казалось, что всё это длится медленно, но со стороны, наверное, выглядело молниеносно. Мы надеялись, что успеем выскочить из поезда ещё до того, как он успеет подойти к нам. Но не тут-то было. Проводник оказался быстрее, чем мы надеялись, а выпрыгивать раздетыми не хотелось, иначе это было бы совсем по-ребячески. Он выбежал к нам в тамбур с вопиюще-вопрошающим выражением лица, и, не дождавшись его вопроса, я выпалил, не раздумывая:

– We are refugees from Chechnya!²⁵

После этих слов он быстро и заметно расслабился. Посмотрел на нас с сочувствием.

²⁴ Руки вверх! Внимание, огонь!

²⁵ Мы беженцы из Чечни!

– Did you come from Italy in this train?²⁶

– Yes, yes! – ответил я, напяливая вторую штанину и выскакивая из поезда.

Василий в это время уже вырвался вперед.

– Where is Zurich?²⁷ – спросил я на ходу, обернувшись к проводнику, будучи уже одной ногой на улице.

Железнодорожник не спеша, но уверенно последовал за нами и, показывая рукой, объяснил, куда надо идти, чтобы попасть на остановку поезда, на котором можно доехать до главного вокзала. Я поблагодарил его и побежал за Василием, который уже был метров на десять впереди. Настиг его, и мы продолжили путь быстрым шагом. Удалившись метров на сорок от проводника, вдруг услышали, как он нам что-то кричит вслед. Мы обернулись.

– Don't forget to buy a ticket!²⁸ – крикнул он нам.

Удивительно, в такой момент он думает о билете. Но, может быть, это был совет, чтобы мы не попались контролерам? Наверное, здесь часто проверяют билеты. ... После этого мы сбавили темп. Теперь стало ясно, что вряд ли он нас собирался закладывать полиции – именно этого мы боялись больше всего.

Замедлившись, мы оглянулись вокруг. Огромное депо со множеством рельсов и поездов окружало нас. Было понятно, что оно находится в черте города – вокруг был Цюрих. Перед нами возвышались четыре уродливых небоскреба коричневого цвета, и я подумал, что не так представлял себе Швейцарию, в особенности Цюрих. Больше никаких высотных зданий поблизости не было. Мы прошли дальше вдоль рельс и дошли до ближайшей вокзальной станции, которая располагалась под железнодорожным мостом, на уровень выше того места, где находились мы – нам пришлось поломать голову, как туда пробраться. В итоге мы всё же очутились на этом промежуточном вокзале с названием «Хардбрюкке», похожем более на остановку наземного метро. По итальянской традиции хотели купить проездные билеты в киоске, на что удивленная продавщица нам объяснила: «For selling tickets WE have machines!»²⁹ О'кей, в Италии тоже были автоматы для продажи билетов, но там также можно купить билеты в киоске! Так что это гордо произнесенное «у нас» выглядело не совсем уместным. Однако, когда мы нашли этот автомат, поняли, что это далеко не те устройства, которые были в Италии. На этих было столько кнопок и надписей, что мы попросту растерялись. Потом я увидел там красную кнопку с надписью «Zürich» и нажал её. Тут же высветилась цена, причем такая, что у нас полезли глаза на лоб! Она превышала римскую раз так в семь. Нам, конечно, было невдомек, что, покупая один такой билет, мы могли пользоваться любым видом наземного и водного транспорта целые сутки, включая прогулочный кораблик. По итальянской привычке думали, что проезд только разовый и лишь на одном виде транспорта. Это незнание в течение грядущего дня серьезно ударило по нашему карману, в котором было ограниченное количество средств. После приобретения билетов надо было разобраться, в каком направлении ехать. Над нами висело табло, на котором читались конечные пункты поездки и время прибытия поезда. Что нас вовсе поразило, так это то, что время было написано с точностью до минуты!

Как раз к перрону, где мы оказались, должен был подойти нужный нам поезд. Несмотря на то, что он прибыл на минуту-две позже, для нас, проживших полгода в Риме, это было невиданной и невероятной пунктуальностью. Сам поезд тоже приятно удивил. Он был двухэтажным, совсем ещё новеньким. Народу не очень много – достаточно мест, чтобы сесть. Все люди были такими культурными: тихими, опрятно одетыми, многие читали газеты. На нас все это произвело очень положительное и незабываемое впечатление. Ощущалась огромная разница

²⁶ Вы приехали из Италии в этом поезде?

²⁷ Где Цюрих?

²⁸ Не забудьте купить билет!

²⁹ Для покупки билетов у нас есть автоматы!

с Италией. Мне эта страна, где мы оказались, начинала всё больше и больше нравиться. Долго нам ехать не пришлось, уже на следующей остановке объявили Цюрих-Хауптбанхоф. Въехали мы точно как на метро в подземелье и там же и вышли. Интуиция повела нас за всеми по эскалатору наверх. Немного побродив по огромному вокзалу, имевшему несколько уровней, вышли на сторону, которая ближе к речке – Банхоф Квай. Оттуда направились пешком к Централ. Тусоваться на вокзале было делом небезопасным, если мы не хотели попасться в лапы полицейским. Еще в Риме знакомые беженцы нас предупреждали, что в Швейцарии главное – не связываться с полицейскими. Надо успеть попросить убежище в специальном центре, а иначе могут выслать из страны, так и не предоставив возможности попросить убежища. Такая перспектива нас, конечно, не устраивала.

На Централ решили позавтракать. Мы уже изрядно проголодались. В киоске купили по сэндвичу и капучино. Пришлось выложить около 10 франков за такое меню, этот уровень цен нас просто ошеломил! Бросилось в глаза то, что при достаточно приличном количестве автотранспорта воздух оставался чистым. В Риме было совершенно иначе! Только теперь я понял, что полгода просто дышал угарным газом. Решили, раз воздух такой прекрасный, да и билеты недорогие, то прогуляемся. Совершенно интуитивно вышли на Банхофштрассе, о названии которой мы даже и не подозревали, и двинулись по ней в сторону озера, вначале до Парад-эплатц и далее до Бюрклиплатц. Перед нами предстал фантастический пейзаж! Окружённые городом берега озера с чистейшей водой, где мирно и спокойно плавают лебеди, утки разных пород, небо, в котором парят многочисленные чайки. К небольшому порту пришвартован большой пассажирский пароход, а вдаль, на горизонте красуются Альпы в снежных шапках во всей своей красе и величии! Мы даже на какое-то время забыли, что надо заняться делами, а не ротозейничать. Сразу чувствовалось, что страна очень богата. Люди ходили в костюмах, никто не суетился. Я спокойно обращался к прохожим или пассажирам, с которыми мы ехали в трамвае, по-английски, мне всегда вежливо отвечали. Лишь однажды была немного комичная ситуация: я обратился к одному человеку на вокзале, спрашивая у него дорогу. Он меня внимательно выслушал до конца, а говорил я с полминуты, и потом выдал на местном диалекте, что, мол, ничего не понимает. Его слова запомнились мне очень хорошо: «Ich verstäh nüüd»³⁰. Но это оказалось единственное и очень забавное исключение.

Первое, что нам нужно было сделать, это выяснить, где просить убежище. Дойдя до Беркли-плац, которая примыкает к Цюрихскому озеру, мы нашли телефонные автоматы и начали искать нужную организацию. Это должна быть структура, занятая вопросами беженцев. В телефонной книге я достаточно быстро её нашел: Azyl Organisation des Kantons Zürich³¹. Зная английский, можно было легко догадаться, о чем идет речь. Когда дозвонился им, мне на английском очень мило объяснили, как к ним добраться. Это было несколько далековато от того места, где мы находились. Но мы этого ещё не знали. Да и радовал сам факт, что всё так быстро происходит и цель близка. Поэтому уже думалось, что спешить особо некуда. Мы направились на трамвайную остановку, которая была совсем рядом. Вдруг возле нас откуда ни возьмись в буквальном смысле вырастают двое полицейских – мужчина и женщина. В синей форме, с какими-то переносными компьютерами в руках (их можно было носить как сумку через плечо). Василий побледнел и давай быстрым шагом от остановки, я за ним. Так мы прошли целую остановку пешком до Белевью, периодически оглядываясь, не следят ли за нами. Это позже стало ясно, что испугались мы не полицейских, а контролеров, которые следят за порядком на парковках и в случае чего выписывают штрафы с помощью своих переносных компьютеров. Мне их внешний вид показался странным: на полицейских они не совсем похожи. Но кто знает эту загадочную современную и богатую Швейцарию?!

³⁰ Я ничего не понимаю.

³¹ Организация по вопросам беженцев кантона Цюрих.

Дойдя до следующей остановки, мы быстро увидели нужный трамвай, сели в него и, рассматривая достопримечательности, отслеживали названия остановок. Путь мы держали на 4-м трамвае до Квелленштрассе. Через четверть часа доехали до нужной остановки и вышли. Прямо напротив находилось здание, в котором была организация, занимающаяся вопросами беженцев. В приемной нам сказали, что ни у них, ни вообще в Цюрихе или его окрестностях попросить политическое убежище невозможно. Ближайший город, где это можно сделать, называется Кройцлинген, и туда надо ехать на поезде. Нам объяснили, что приёмный пункт находится недалеко от железнодорожного вокзала, в крайнем случае мы сможем спросить прохожих, и, что лучше всего туда приехать утром, поскольку в том центре принимают в определенные часы. Больше нам ничем помочь не могли. Мы внимательно выслушали и решили там сильно не задерживаться, вдруг нас сдадут полиции? Вышли немного разочарованные, но, с другой стороны, знали, что по меньшей мере прошли еще один уровень, и наша загадочная игра продолжилась. Из организации мы направились снова в сторону центрального вокзала, и в одной из кабинок с городскими телефонами отыскивали адрес и номер молодежного отеля, так называемого Youth Hostel. Ведь, по всей видимости, нам ничего не оставалось, как задержаться этой ночью в Цюрихе. Когда я туда дозвонился, мне объяснили, как к ним добраться, более того, сообщили радостную новость о том, что места у них на сегодня пока ещё есть. Но добраться к ним оказалось не такой простой задачей, как показалось вначале. Была пара пересадок на разных видах транспорта, в том числе и троллейбусе. Кроме того, от остановки пришлось ещё долго петлять, пока нашли этот отель. Но потом выяснилось, что он был рядом с остановкой, просто мы не догадались, что это он. Так что мы не слишком быстро достигли цели, тем более что мы не пожалели времени погулять по городу и поесть сэндвичей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.